

ОЛЬГА ГРОМЬКО

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА

Профессия: ведьма

Белорийский цикл

Ольга Громыко

Профессия: ведьма

«Автор»

2003

Громыко О. Н.

Профессия: ведьма / О. Н. Громыко — «Автор»,
2003 — (Белорийский цикл)

ISBN 978-5-9922-0953-2

Каждый здравомыслящий человек твердо знает: вампиров не бывает, вампиры очень любят человеческую кровь, вампиры боятся чеснока, осины и солнечного света. Интересно, а что думают на этот счет сами вампиры? Ох они бы и порассказали, найдись достаточно беспристрастный и храбрый слушатель! Перед вами – подробный отчет на основе личных наблюдений, составленный неунывающей адепткой Старминской Школы Магов, Пифий и Травниц. Но не удалось ли вампирам ввести в заблуждение и ее?..

ISBN 978-5-9922-0953-2

© Громыко О. Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть первая	6
Введение	7
Материалы и методы	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Громыко

Профессия: ведьма

СТАРМИНСКАЯ ШКОЛА ЧАРОДЕЕВ, ПИФИЙ И ТРАВНИЦ

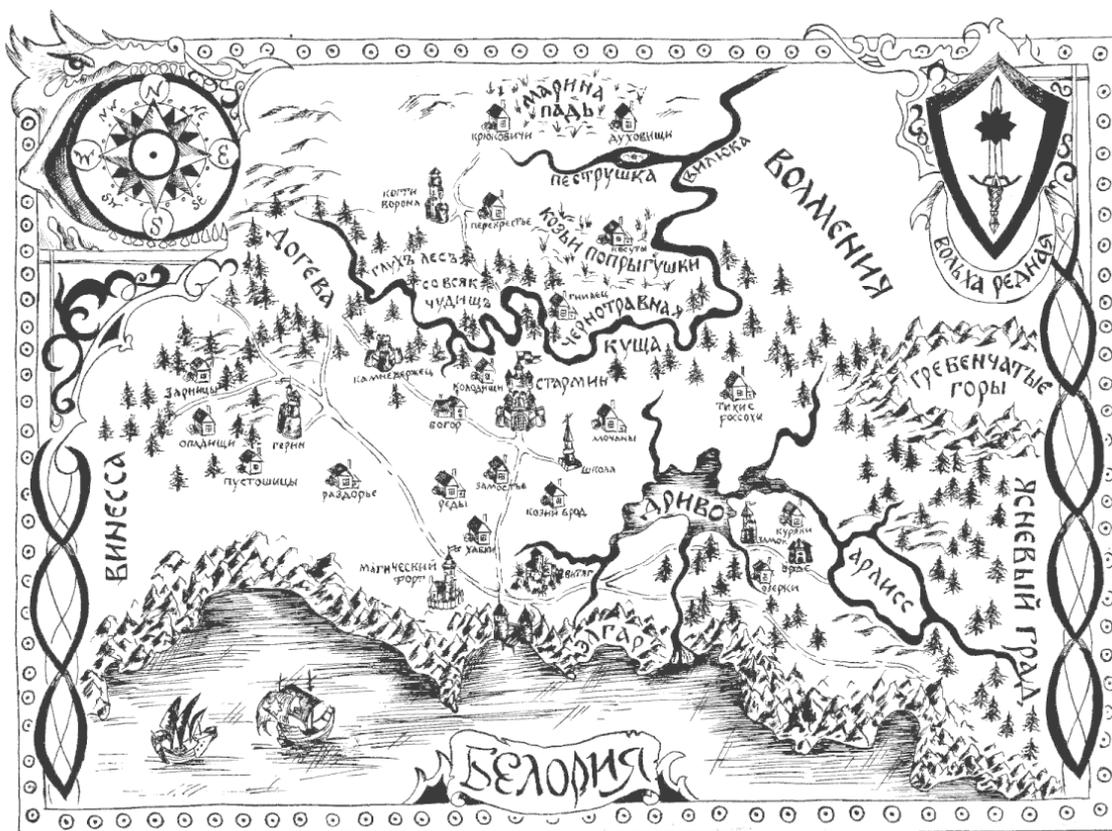
**ФАКУЛЬТЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ**

КАФЕДРА МАГОВ-ПРАКТИКОВ

Часть первая

Социальный уклад, быт и нравы вампирьей общины

Вик. – А что? Вы что-то имеете против вампиров?
Р. Асприн. «Корпорация М. И. Ф.»

Курсовая работа

адепки 8-го курса Вольхи Редной

Научный руководитель:
Магистр 1-й степени архимаг Ксан Перлов

*999 год по Белорскому летосчислению,
город Стармин*

Введение

Хороший сегодня выдался денек. Теплый. Безветренный.

Вторая декада сеностава месяца неспешно сочилась сквозь клепсидру солнечного лета, и голоса зябликов, доносившиеся из придорожных кустов, звенели в ушах. Я ехала сквозь их гнездовые уголья, как вдоль пограничной полосы. Полосой была дорога, заброшенный, проклевывающийся пыльной травой Кривой Большак. Зяблики попеременно возмущались вторжением человека на белой лошади в их частные владения, залихватские трели сменялись хриплым чириканьем, птахи суетливо перепархивали по веточкам, тревожа листву. Разноцветная кайма вокруг черных подсыхающих луж взрывалась сотнями истомленных жарой мотыльков, раскручивалась ввысь вихрем трепещущих крыльев. Поводья, завернутые петлей, свисали с передней луки. Я покачивалась в седле, как мешок с крупой, придерживая левой рукой лежавшее на коленях письмо и пытаюсь разобрать прыгающие перед глазами руны. Ромашка пользовалась моим расслабленным состоянием, все замедляя и замедляя шаг, надеясь, что я, увлеченная чтением, не замечу ее коварного маневра и дам ей остановиться и спокойно пощипать травку.

– Ты чего это, голубушка? А ну, шевели копытами!

Плутоватая кобылка разочарованно всхрапнула.

– Давай, давай, халтурщица.

Я устроилась поудобней, если вообще можно устроиться поудобней на том пыточном предмете, коим являлось для меня жесткое казенное седло на третий день пути. Ромашкина грива тоненькими колечками спускалась до передней луки, забиваясь между страницами пухлого письма, которое я должна была вручить Повелителю Догевы и которое уже минут пять как самовольно вскрыла при помощи магии, не тронув увесистой печати на веревочке. На алом воске отчетливо проступал отпечаток перстня – тринадцать рун и переплетающийся с драконом единорог в центре.

Угрызения совести никоим образом не сопутствовали сему времяпрепровождению. Во-первых, письмо писал мой Учитель, то есть ничего более обидного или нового, чем я о себе знала, сообщить он Повелителю Догевы не мог. С другой стороны, вдруг Учитель строчил это письмо в состоянии несвойственного ему благодушия и умиротворения? Должна же я соответствовать своей характеристике. И в-третьих, Варвара – не единственная любопытная женщина на земле. О каре, постигшей вышеупомянутую, я старалась не думать.

Итак, я приступила к чтению.

*«Многоуважаемый Повелитель Догевы, благородный Арр'актур тор
Ордвист Ш'эонэлл из клана...»*

Мура, геральдика, ни к чему не обязывающая вежливость. Пропускаю. Страницу пропускаю. Вторую. Руны маленькие, заковыристые, не сразу и разберешь. Почерк у моего Учителя – для секретных документов лучше не придумаешь. Ему бы шпаргалки к экзаменам писать. Да когда же закончится это введение?! Тоже мне, Повелитель – на карте этой Догевы с медную менку, а почестей – на золотой кладень! Интересно, будет ли его читать сам Арр'актур? Вряд ли, разве что у него прогрессирующая мания величия. В таком случае, не следует ли мне, законопослушной жительнице державного города Стармина, столицы Белории, официальной резиденции многоуважаемого кем-то его высочества короля Наума, заблаговременно поупражняться в благоговейном трепете? Как-никак личность я незначительная, ничем не примечательная, кроме золотисто-русых волос с рыжиной да вредного характера. Первое качество – наследственное, второе – благоприобретенное. Моя подробнейшая автобиография – три строчки с финтифлюшкой на переносе: круглая сирота, восемнадцать лет назад имела несча-

стве появиться на свет в семье потомственных тружеников полей, то бишь селян, в промежутках между весенними и осенними страдами с грехом пополам выучила грамоту, а восемь лет назад сбежала в Стармин и поступила в Высшую Школу...

Тут мои занятия литературой, дипломатией и генеалогией грубо прервали. Очень грубо. Я едва успела подхватить листки, поползшие в разные стороны. Ромашка, неисправимая саботажница, задумчиво жевала узду, бряцая железом, в то время как незнакомый и весьма подозрительный тип обросшей наружности демонстративно потрясал перед лошадиной мордой самодельным арбалетом с грязной стрелой многоразового использования, так что непонятно было, кого он собирается грабить – меня или Ромашку. Я приподнялась на стременах, с интересом рассматривая заржавленный наконечник.

– Я не думаю, что это самое удачное место для торговли антиквариатом, – доверительно сообщила я незнакомцу. – Вот в Стармине у вас бы его с руками оторвали. Вернее, отрубили. Знаете ли, там очень не любят разбойников...

Ромашка обнюхала арбалет, презрительно фыркнула и, напрочь игнорируя грабителя, потянулась к аппетитной зелени малинника, из высокой гущи которого только что возникло это чудо в лаптях.

Преступный элемент заметно смутился. Наконечник затрепетал, как щенячий хвостик. Увы, до раскаяния и покаяния было еще далеко – заблудшая овца упорствовала во грехе сребролюбия:

– А ну-тка, живо слезай с коня, девка язвкатая! Кошелек или жизнь, да пошустрей, слышишь?

Я изобразила усиленную работу мысли:

– Ладно, убедил. Кошелек.

Пахнуло озоном.

Лицо грабителя передернулось, зрачки расширились, глаза остекленели, и он, медленно опустив арбалет, отвязал и беспрекословно подал мне тощий мешок, болтавшийся у пояса.

От мешка разило кошками и куревом. Ослабив веревку, стягивавшую горловину, я пропустила сквозь пальцы несколько мелких монет.

– Маловато, дорогой мой, маловато. С ленцой работаешь, без огонька. Впрочем, так уж и быть, возьму в качестве аванса, – ошастливила я грабителя, швыряя ему под ноги пустой мешок, и предупредила: – Я через пару дней этой же дорогой назад поеду, так уж будь добр, постарайся меня не разочаровать.

Мужик, не отрывая от меня загнипнотизированного взгляда, медленно нагнулся, поднял мешок и застыл столб столбом, не в силах шевельнуться без моего ведома.

Как только горе-грабитель скрылся из виду, я деактивировала заклинание и позволила Ромашке перейти с галопа на любимую ею трусцу. Письмо, зажатое во время подсчета денег у меня между коленями, немного помялось и утратило товарный вид. Впрочем, рассудила я, главное не оформление, а содержание. Оно же компенсировало недостатки репейного листа, использованного в укромном месте.

Ага, вот наконец и обо мне пара строк. За дифирамбами загадочному Арр'актуру пропустишь и не заметишь.

«...за время обучения в Высшей Школе Чародеев, Пифий и Травниц адептка Вольха проявила себя...»

Знаю. Очень плохо.

«...неусидчива, нетерпелива, своевольна...»

Знакомая песня.

«...любит злые шутки и неоднократно переносит их с воспитанников на воспитателей...»

Это он про ведро, что ли? Да, было одно ведерко, довольно объемистое. Стояло себе на балке, над дверью моей комнаты. Эдакий самодельный капкан на соседей по Школьному общежитию, дабы не повадно было без спросу одалживать у меня конспекты и кастрюли с наваренным на неделю борщом. Может, Учитель так бы не разозлился, если бы ведро все-таки опрокинулось, а не упало ему на голову стоймя, вместе с водой?

«...отличается редкими способностями к практической и теоретической магии, сильно развитой интуицией, быстро адаптируется к нестандартной ситуации...»

Ха, может, я еще не безнадежна?

«...рекомендую применить ее дарование для решения упомянутой Вами проблемы. Да, еще. Последующие страницы начертаны симпатическим составом, дабы уберечь их содержание от неумеренного любопытства вышеупомянутой адепки, которая в настоящий момент наверняка уже ознакомилась с содержанием страниц предыдущих. Компоненты, входящие в состав, Вам известны и для Вас не составит труда...»

Нет, безнадежно. Меня исправит только могила.

Материалы и методы

Глава 1

Неприличная какая-то граница у Догевы. У эльфов – высокие травы. У гномов – скалы. У вадлаков – груды выброшенной на поверхность земли. У дриад – дубы, подметающие облака. У друидов – каменные круги. У людей – облупленные стены, каналы с затхлой водой, разделенные парой-тройкой подъемных мостов, да лысые стражники при них, бдительно дремлющие, упираясь на ржавые алебарды.

А здесь – осины. Издевательство какое-то, особенно если учесть, что жители Догевы – вампиры. Хорошие такие осины, серебристые, трепещущие. За осинами щекочет небо островерхий еловый ковер, среди которого кое-где проглядывают затравленные березки и сосенки, сама же Догева лежит в долине, как плюшка на дне расписной пиалы. Если смотреть с холма – края пиалы, виден белый ободок из осин; второй потолще, потемнее – из елей, а в центре – широкое зеленое дно с крапочками: сама Догева в кольце возделанных полей и облаках тумана.

– Подойдешь вплотную к деревьям, – наставлял меня Учитель, – и пошлешь мысленный сигнал вглубь леса. Любой. Можешь думать о чем угодно, лишь бы сформировать мощную телепатическую волну.

– А кому мне ее направить?

– На общей частоте. Кто-нибудь из Стражей Границы услышит.

Я смущенно кашлянула.

– Лучше бы ему этого не слышать...

– Не обязательно продумывать очередную пакость. Знаю, знаю, ты на них сверх всякой меры горазда, но на сей раз постарайся воздержаться от оных. О чем это я? Ах, да, о волне. Вампиры очень восприимчивы к телепатии и сразу отреагируют на ее присутствие, хотя и не смогут досконально расшифровать. Так что напирай на количество, а не на качество.

– Вот так? – Я смотрю на дымящую баню, наморщив лоб от усердия, и на мою волну тут же реагируют пять или шесть адептов, которые, овеянные паром, выбегают из дверей и выпрыгивают из окон, атакованные внезапно ожившими вениками. Руки будущих коллег заняты шайками, прикрывающими от веников самое сокровенное. Учитель умиряет веники одним движением брови, но взгляды, адресованные шутнице недомытыми коллегами, не сулят ничего хорошего.

– Я сказал «подумать», а не транслировать заклинания. Жаль, что за годы, проведенные в этих стенах, ты так и не научилась думать.

Что ж, думаю. Стою под осиной, наморщив лоб, и Ромашка уже что-то жует, зеленая слюна сочится из черных уголков бархатистых губ, разделенных кольцами удил. Телепатировать – значит, сознательно делиться мыслями с кем-нибудь другим. Делюсь последним. Из леса тянет прохладой, сидящая на ветке иволга удивленно покачивает хвостом в ответ на мои умственные потуги.

Либо занятие оказалось мне не по зубам, либо ошарашенные Стражи Границы попали на месте, сраженные моей мощной думой. Мои старания увенчались успехом минут через сорок, и за это время я успела передумать больше, чем за предыдущие восемнадцать лет.

А вот и результат. Ага, подействовало. Или он проходил мимо случайно?

Я впервые увидела вампира. Возможно, если бы он возник из ниоткуда, был бледен, как смерть, и недвусмысленно скалил окровавленные зубы, я бы его испугалась, как, собственно, и планировала. Мои знания в области вампироведения базировались на человеческих легендах и преданиях, отличавшихся редкостным пессимизмом. К тому же все гравюры, кар-

тины, гобелены, наскальная живопись изображают вампиров исключительно ночью и в темноте. Крылья, зубы, когти – все это кажется таким страшным и огромным только потому, что толком ничего нельзя разглядеть.

Дневной свет развеял ореол ужаса в пух и прах. При солнечном свете, на фоне бескрайних полей и высоких деревьев вампир показался мне возмутительно мелким и безобидным. Правда, я еще не спешила. А пришлось – мне галантно предложили руку, воспользоваться которой, впрочем, я не рискнула.

Вампир улыбнулся, показав длинные клыки. Любой улыбнулся бы, увидев, как я сползла сехала по крутому Ромашкиному боку. Перекинув поводья через голову лошади, я выжидающе уставилась на вампира. Страж Границы оказался выше меня на полголовы, широк в плечах и весьма недурен собой. Длинные темные волосы обрамляли узкое загорелое лицо, сложенные за спиной крылья придавали вампиру некоторое сходство с Мороем, демоном – посланником смерти, десятиаршинная статуя которого украшала актовый зал Высшей Школы. Черные, пронзительные, чуть раскосые глаза вампира изучили мою малопривлекательную внешность, но так и не сумели разгадать, что за ней сокрыто.

– Кто вы и что вам нужно в Догеве? – внушительно, гортанно и в меру грозно произнес вампир.

– Я? – Я так сосредоточенно телепатировала, что забыла заранее подготовленный ответ.

– Ну не я же! – соблаговолил пошутить вампир.

Меня словно леший за язык дернул:

– О, я всего-навсего юная, прекрасная и невинная девица, одиноко и печально блуждающая в темном лесу в ожидании своей ужасной участи, – выпалила я, учитывая приписываемые вампирам вкусы и честно стараясь не расхохотаться Стражу в лицо. Стоит ли упоминать, что трафарет ответа не имел ничего общего с моим экспромтом.

Вампир оторопел и больше чем я сама походил на обиженную судьбой девицу.

– Что? – удивленно переспросил он.

Я послушно повторила.

По лицу Стража скользнула тень понимания.

– Вы Вольха Редная, адептка старминской Школы Чародеев, – медленно и серьезно сказал он. – Верно?

Пришел мой черед изумляться:

– Откуда вы...

– Идите за мной. – Вампир повернулся и исчез в осиновом подросте опушки.

– А лошадь?

– Ведите в поводу, – послышался спокойный ответ. – До дороги всего десять шагов, а в обход не меньше полумили.

Ромашку перспектива лезть в кусты, мягко сказать, не обрадовала. Я повисла на узде. Эффекта никакого. Лошадь заплясала на месте, изредка привставая на дыбы и пытаясь развернуться. Высокий частый осинник, с ее точки зрения, был совершенно неподходящим местом для прогулок уважающих себя лошадей. Я уже подумывала о создании миража дороги, но во время борьбы мы изрядно помяли гибкие ветви, и лошадь увидела в глубине леса дорогу настоящую. Для приличия пофыркав, Ромашка успокоилась, и я решительно потянула ее за собой. Мысль, подходят ли догевские кущи для людей, мне раньше в голову не приходила. Волевым усилием я отогнала ее и теперь. Ну, вампиры и вампиры. Не упыри же. Чай, разумная раса. Договоримся.

Вампир терпеливо ждал, прислонившись к стволу осины, как наглядная иллюстрация к фолианту «Человеческие суеверия и их причины». Ромашка реагировала на него соответственно, то есть никак, хотя ей бы полагалось храпеть, бить копытом и косить налитым кровью глазом. Впрочем, лошадь у меня на редкость флегматичная.

Убедившись, что вся компания в сборе, вампир с явным сожалением оторвался от полюбившегося ему дерева и повел нас в глубь леса. Теперь я глядела ему в спину: крылья, выпущенные сквозь прорези в одежде, напоминали черный плащ, одетый вместе с вешалкой – именно с ней у меня ассоциировались тонкие кости, не дававшие кожистым крыльям летучей мыши спадать.

Мрачноватый, но величественный лес, застланный ковром елового опада, ничем не отличался от десятков и сотен других лесов, сквозь которые я проезжала, проходила и даже проползала на четвереньках в поисках ягод. В кронах елей тоненько тивкали корольки, по краям едва заметной тропки пышно курчавилась нежно-салатовая кислица.

Вампир молчал. Я думала. На этот раз – исключительно для себя.

Еще неделю назад я и вообразить не могла, что когда-нибудь окажусь в Догеве, да еще по делу. До окончания Школы оставался полуторагодовой запас неизгрызенного гранита науки, хотя по некоторым предметам я значительно опережаю не только адептов-погодков, но и наставников. Даже Учитель, что там греха таить, не всегда может разобраться в наведенных мною абстракциях. Учитель преподает практическую магию со второго курса. Он требователен, сварлив и капризен, как старая дева. Угодить ему чрезвычайно сложно. А я к тому же ненавижу угождать. Одно время я всерьез подумывала – а не бросить ли мне всю эту муру и перевестись на факультет Ворожей или Травников? Но привыкла, втянулась, растеряла половину ершистости и стала обращать на Учителя не больше внимания, чем на ежевичную плеть, которая колется и цепляется за одежду, но тем не менее приносит определенную пользу. «Практическая магия не для девушек», – говаривали адепты мужского пола, завидуя моим способностям. Они оказались правы. Я единственная девушка на всем потоке. Остальные пять или шесть отсеялись после первого семестра. Конечно, девушке больше пристало возиться с больными, принимать роды или заговаривать раны – короче, исцелять либо прятать ошибки под землей. Магистра практической магии ждали урочища с упырями, сварливые драконы, застенчивые василиски и улучшение благоприятной обстановки в целом. Наверное, во мне слишком мало сострадания, чтобы возиться с больными. Упыри же в моем сострадании вроде бы не нуждаются.

Восемь лет назад, когда я робко тронула колотушкой бронзовую бляху на воротах Школы, никто не верил, что из меня получится даже Травница. Я была диковатым десятилетним подростком с оптимальным количеством прыщей вперемешку с веснушками. И уймой талантов, запряженных так глубоко, что на собеседовании их не выявили. Да особенно и не пытались. Школа предпочитала брать на обучение городских ребят из обеспеченных семей, более-менее образованных, воспитанных и готовых в случае чего поддержать Школу материально. На собеседовании мне долго пытались втолковать, чем левая рука отличается от правой, которую я должна была положить на лист бумаги и представить, как он обугливается под фалангами пальцев. Что такое «фаланги», я тоже не знала. В общем, Школа стояла и намеревалась стоять дальше без моего участия.

Помнится, я сидела на земле у ворот и наполовину глотала, наполовину размазывала по лицу крупные злые слезы, помимо воли катившиеся из глаз. На мое счастье (или несчастье?), Учитель не числился в составе приемной комиссии, он как раз возвращался из долгосрочной дипломатической командировки, и на его пути сидела я.

– Разве магичке пристало плакать? – сурово спросил он, нависая надо мною бородатой скалой с посохом.

Я шумно вытерла нос.

– А я не магичка! И могу плакать, где захочу!

– Ишь ты! – удивился Учитель, присаживаясь на краешек каменной кадки с цветами. – А ты знаешь, что, когда маленькие девочки так горько плачут, портится погода? Ой, смотри, накличешь дождь на мою седую голову.

- Не накличу.
- Это еще почему?
- Потому что вы – колдун и над вами не каплет.
- Учитель то ли засмеялся, то ли закашлялся в бороду.
- Поэтому ты и захотела стать магичкой, да? И кем же? Травницей или Пифией?
- Нет! Настоящей магичкой! Чтобы жуть как волшебствовать и чтобы все меня боялись!
- Некроманткой, что ли? – усмехнулся Учитель.
- Не кроме... чего?
- Ну злой ведьмой, – объяснил маг.
- А добрых ведьм не бывает? – подумав, спросила я.
- Почему, бывают. Их называют магами-практиками или магами-воинами.
- Во-во. Это мне подходит.
- А упырей не боишься?
- Не-а. Я только тараканов боюсь. И крыс немножко, – со вздохом призналась я.
- Ну вот. А маг ничего не должен бояться.
- И вы совсем-совсем ничего не боитесь?
- Учитель призадумался, поскреб макушку.

– Видишь ли, кое-кого маг все-таки должен бояться. Себя самого. Магия – это не балаганские фокусы с шариками да картами, она может быть темной и светлой, доброй и злой, разрушительной и созидательной, и какой она станет в твоих руках – зависит только от тебя, а это огромная ответственность. Смотри, – сказал маг, поворачивая руку ладонью вверх, и над ней материализовался сгусток синего пламени. – Красивый шарик, правда? И такой безобидный с виду. Посмотри, как спокойно он лежит в моих ладонях. Как ты думаешь, останется ли он столь же покладистым в чужих руках?

Я не любила отвечать на провокационные вопросы и без колебаний ухватила за шарик обеими руками.

- Уй, да он совсем холодный! – восторженно завопила я, забыв про слезы. – И шевелится!

Учитель ответил не сразу. С трудом подтянув отвисшую челюсть, он слабым голосом попросил меня «выкинуть бяку» куда подальше. Я удивилась, но послушалась. Блеснуло и грохотнуло, а когда дым рассеялся, мы увидели крышу дальнего амбара. Еще некоторое время она висела в воздухе, потом шумно рухнула на пепелище.

– Это еще что такое?! Опять ваши дурацкие эксперименты, Ксандр? – прогремело за спиной. Обернувшись, я увидела низенького, упитанного и лупоглазого мага неопределенного возраста, с крючковатым носом и щеткой рыжих усов.

– А, Питрим, – небрежно сказал Учитель, не оборачиваясь. – Как же это ты просмотрел такую жемчужину? Потрясающий дар управления энергией, телекинетические способности – прирожденный Практик. Я беру ее в свою группу.

Питрим – директор и завуч в одном лице. Преподает некромантию, но лишь постольку-поскольку, степень Магистра у него по магии стихий. Имя у Питрима длинное, заковыристое, как свернувшаяся клубком гадюка. Он назвал его на вступительном занятии, но так быстро и неразборчиво, что никто даже записать не успел. Адепты почтительно величали его «досточтимым Магистром Питримом». Наставники обходились без «досточтимого». А Учитель – и без «Магистра».

За глаза Питрима честили «некрохрычом». Причем и адепты, и наставники.

Питрим смерил меня презрительным взглядом.

– Мест нет, – буркнул он. – У нас и так семь лишних абитуриентов, а все благодаря вам. Подбираете их с улицы, как бездомных котят, а потом заваривается дурацкая канитель с отчислением, порождающая недоучек, опасных для общества.

На секунду воздух между магами сгустился и потемнел. Всего лишь на секунду.

– Пойдем, девочка, – сказал Учитель, не опуская глаз. – Ты принята. С этой минуты ты – адептка Школы Чародеев, Пифий и Травниц.

* * *

По Школе давно ходили слухи, что в Догеве творится что-то неладное, но что именно – не знал никто. Все только догадывались, и с таким глубокомысленным видом, словно дипломы со званиями Пифий 1-й степени уже лежали у них в карманах. Все переговоры с Догевой вел Учитель. Магистр Питрим в это не вмешивался, но развил бурную деятельность «по контролю над ситуацией», то есть проводил по два-три совещания в день, после которых доведенный до белого каления Учитель начинал лекцию по практической магии штурмовым опросом, безжалостно пуская на дно юные челны разума, лишённые балласта знаний. Воздух бурлил от магии. Послания из Догевы передавались телепатически, по цепочке осевших в городах магов. Да и то правда – где найдешь гонца, который согласится стать посыльным у вампиров? В радиусе десяти миль от Догевы нет ни одного человеческого поселения. Боятся. Еще бы. Вампиры! Кровопийцы! Страх и ужас! Запирайте двери, кушайте чеснок.

На лекционных курсах «Разумные расы» вампиров проходили между эльфами и гномами, в разделе «Союзники». «Расы», к сожалению, преподавал Питрим, преподавал нудно, заковыристо и со своей точки зрения. Эльфов он недолюбливал, гномов опасался, о троллях сказал два непечатных слова, а вампиров ослабил так, что впору точить колья и идти на них войной. Из-за этой его предвзятости мы ничего толком не знали о вампирах, а на экзамене достаточно было ляпнуть на их счет какую-нибудь непристойность, и пятерка обеспечена. Подавляющее большинство магистров и адептов придерживались Питримовой точки зрения. Если у леших, русалок и даже гоблинов еще находились защитники, то вампиров никто хвалить не решался.

А ситуация все накалялась. Наставники ходили как пришибленные, занятия срывались. Адепты пользовались неразберихой и творили что хотели. На лекции по травоведению в чан с зельем таинственным образом попала дохлая мышь, ожить не ожила, но от запаха эликсира две адептки упали в обморок, а у остальных так разболелась голова, что занятия отменили «до полного выветривания чужеродного элемента». В темных коридорах подвального этажа завелся скелет, он гремел костями и бил реторты с ценными ингредиентами, как-то: кровь дракона концентрированная, желчь девственниц (огромный дефицит, обусловленный еще большим дефицитом поставщиц), ртуть гремучая и царская водка. На поиски и ликвидацию скелета пришлось выделить специальную комиссию с аспирантом Алмитом во главе, в результате чего были добыты недобитые реторты, а скелет оказался наглядным пособием из кабинета анатомии, в пустую черепушку которого чья-то шаловливая рука вселила дух алхимика-самоубийцы.

Но это все к делу не относится. Настоящие страсти разыгрались, когда исчез один из преподавателей. Перед выходными по поводу Праздника Воды он, как всегда, задал нам кучу заклинаний и упражнений на отработку пассов, непререкаемым тоном зачитал отметки по контрольной, попрощался и больше мы его не видели. Важек, адепт, подсмотрел, как он оседлал каурого коня в тени амбара, приторочил к седлу походную сумку и галопом отправился по дороге на Богор. И не вернулся. Богор лежал на одной линии с Догевой. Школу захлестнула новая волна слухов, еще более туманных и неопределенных. Цены на чеснок взлетели до небес. А еще подорожали мечи и кольчуги. Стармин наводнили странные типы, угрюмые и обросшие сальными патлами. Они оккупировали постоянные дворы и кабаки, сбиваясь в банды, напоминавшие крысиные стаи.

– Наемников нам только не хватало, – ворчал Алмит, Магистр 4-й степени, который временно замещал Питрима, вел практические занятия по «Разумным расам» и в данный момент

пытался распределить между нами темы курсовых работ. – Налетели, как воронье на падаль. Как бы самим падалью не стать. Мало им одной войны, стервецам.

Алмит имел в виду войну с вампирами, завершившуюся семьдесят лет назад подписанием мирного договора.

– Договор еще в силе, – заметил Важек.

– Вот потому мы сейчас и имеем неудовольствие лицезреть наемных убийц под самыми окнами Школы. Официально король не может выступить против вампиров, так как договор подписали все разумные расы, в том числе самые многочисленные, то бишь эльфы, тролли и гномы, – последние, между прочим, прибрали к рукам всю металлургию и оружейную промышленность, так что ссориться с ними не следует. Они немедленно сплотятся против агрессора и основательно надерут ему... кх-м... в общем, дадут достойный отпор. А наемники – совсем другое дело. Они как бы вне закона, свободные охотники. Как говорится, за всеми подданными не уследишь. Официально король объявит им анафему, а неофициально... как вы думаете, на какие доходы вон тот, лохматый, с бородой, кокетничает с... хм... девицей вольного поведения?

Алмит отошел от окна, подавая пример адептам, прильнувшим к стеклам в надежде разглядеть упомянутую девицу.

– Итак, мы остановились на тебе, Вольха. Осталось пять тем: «Быт и нравы гномов», «Метафизические воззрения привидений», «Сравнительный анализ психологии домовых и конюших», «Роль русалок в экологии пресных водоемов» и... Ах, нет, Питрим ее опять вычеркнул. Значит, всего четыре темы. Что ты кривишься?

Как обычно, мне досталась полнейшая ерунда. Привидения – зануды и моралисты, через пять минут общения с ними начинает клонить в сон. Бултыхаться в пруду с русалками тоже чревато – пиявки, насморк и комары идут в комплекте с экологией. Гномы – скрытные и подозрительные существа, у них материал для курсовой работы зубами не вырвешь. А психологию домовых и конюших можно выразить в двух словах: «мелкое пакостничество».

– Ну, ты пока подумай, а я объясню что к чему. Курсовая должна быть выполнена к первому вересклету, то есть ровно через три месяца. Она должна включать обзор литературы за последние два века – желательно той расы, которую вы выбрали для изучения. Но не ограничивайтесь одними книгами! Знаю я вас – засядете в библиотеке на сутки, перепишете пару фолиантов попыльнее, и думаете, что легко отделались. Нет, дорогие мои, без прямого контакта с инородцами ничего не выйдет. На устном опросе я вас живо расколю. Да, специально обращаю к тем, кто выбрал троллей: не цитируйте их, бога ради. Перескажите своими словами. Ну как, Вольха, решила?

– Нет.

В кабинет заглянул лаборант с кафедры Травоведения, кивнул Алмиту, откашлялся и официальным тоном пригласил меня к директору в кабинет.

Пожалуй, стоит описать его поподробней. Адепты – народ любопытный, им только укажи на запретный плод, отвернись на минутку, и от плода останется сиротливый огрызок. Что там греха таить, я тоже крутилась у кабинета, как лиса вокруг курятника. Он был опечатан магией так же герметично, как куриное яйцо – скорлупой. Что только не вытворяли адепты! Долбили скорлупу отмычками, заклинаниями, левитировали под окнами, посылали на разведку дрессированных тараканов, да все без толку. О кабинете слагались легенды. Дескать, там и легендарное Зеркало Откровений, и портал в бесконечность, и свиток с заклинанием конца света, и пророчествующий череп с философским камнем в зубах, в общем, все чудеса и загадки прошлого, будущего и настоящего.

И вот я в святая святых Питрима. И что? И я разочарована до глубины души.

Игра не стоила свеч. Обстановку кабинета составляли диванчик, два кресла, стол и стул, да еще немного официальной роскоши в виде двух картин и пышного ковра.

На стуле сидел Учитель, усталый и как будто даже постаревший. В руках он держал запечатанный (бывший!) свиток.

– Садись.

– Спасибо, я постою.

Будь Учитель один, я бы села. Но за его спиной злобно посверкивал глазами Магистр Питрим, сесть при котором означало подписать себе смертный приговор. Вот уж кто не скрывал своего презрения к адептам, тем более не поощрял панибратства между ними и наставниками.

– Ты отправляешься в Догеву, – без обиняков сообщил Питрим, выдвигаясь на передний план.

– Куда? – вырвалось у меня.

– В Догеву, – терпеливо повторил Учитель, упреждая гневную вспышку коллеги.

– Когда?

– Сейчас. Из этого кабинета ты прямиком выйдешь во двор, возьмешь на конюшне числящуюся за тобой кобылу, получишь паек и деньги у кладовщика и, ни с кем не разговаривая, покинешь Школу.

– А моя куртка? – глупо спросила я. Куртка лежала в моей комнате на кровати, я как раз собиралась пришить оторванный карман.

Учитель щелкнул пальцами, и на меня свалилась куртка, теплая и зашитая. Столь виртуозная телепортация сразила меня наповал. Прижав куртку к груди, я молча ожидала дальнейших указаний.

– Передашь этот свиток Повелителю Догевы, Арр’актуру тор Орд... тьфу, когда-нибудь точно язык сломаю. Лично. Никому его не показывай. Не доставай. Даже не говори о нем остальным вампирам.

У меня предательски задрожали руки. Свиток, покувыркавшись в воздухе, упал на пол и закатился под шкаф. Я торопливо шлепнулась на колени. Как на грех, уборщицы обходили директорский шкаф стороной, и треклятый свиток добротнo обмотался ключьями вековой пыли. Я поспешно дунула на него, но вышло еще хуже – вся пыль бросилась мне в нос и глаза, оглушительный чих смешался со звоном упавшей сверху вазы. Кое-как запихав грязный свиток за пазуху, я поднялась с колен и тут же об этом пожалела – оба Магистра смотрели на меня пронзительнее василисков. Левый василиск источал смертный холод, правый – еще более обидную укоризну. Виновато покосившись на рассыпанные у шкафа осколки, я изобразила искреннее раскаяние и сосредоточенное внимание, то есть скорчила на редкость идиотскую гримасу. Учитель, вздохнув, удовольствовался чем есть и начал подробно рассказывать о дороге на Догеву, об энергетических точках, о самых распространенных тварях этого района, но я слушала вполуха. Все это не имело значения. Не указания, так язык до Догевы доведет. А что там, в Догеве?

– Ты меня не слушаешь, – ворчливо упрекнул Учитель.

– Простите. Продолжайте.

– Ты удивлена, не так ли?

У меня вырвался нервный смешок:

– Мягко сказано.

Учитель покосился на коллегу:

– Магистр, прошу вас.

Учитель во всеуслышание назвал Питрима Магистром? Это что-то новенькое. Неужели вреднящий колдун в чем-то одержал верх?

– Уже месяц, как мы получили первое сообщение из Догевы, – начал Магистр, отворачиваясь от меня и глядя в окно. Пальцы Магистра, белые, холеные, униженные перстнями, соприкасались кончиками за спиной. Я подумала и села. Не любит он меня. С того самого дня,

как схлестнулся из-за меня с Учителем. Впрочем, Питрим недолюбливал всех адептов, а в особенности практиков. Ходили слухи, будто какая-то колдунья одолела его в честном поединке, выставив на посмешище. – Вернее, не Догевы, а Камнедержца, города на реке Выпь. Это ближайший сосед Догевы. Градоправитель просил прислать мага. Но один из закончивших обучение адептов был распределен в Камнедержец год назад, и город не мог на него нахвалиться. Все правильно, ответил нам градоправитель, но две недели назад маг исчез, и на коров напала короста, так что маг им нужен позарез. Я навел справки, и выяснилось, что маг отправился в Догеву, якобы по делам. И не он один. За последний месяц Догева, как бездонная бочка, проглотила четырех опытных, мощных и закаленных в боях магов.

– В том числе наставника по теоретической магии?

– У него было поручение вступить в контакт с жителями Догевы и выяснить, что же там в конце концов происходит.

– А нельзя спросить прямо у этого... Арр'актура Батьковича?

Магистр так резко обернулся, что я поспешила вскочить и вытянуться в струнку.

– Мы спрашивали, – предотвратил взрыв Учитель. – Но получили очень туманный ответ.

– Какой?

– Он утверждает, что во всем виновата нечисть.

– Какая конкретно?

– В том-то и дело, – учитель пожал плечами, – что вся. Вся, которая существует. Упыри, оборотни, василиски, кикиморы, моровые призраки.

В общем, перечислил энциклопедию «Нежить» от корки до корки.

– Это в Догеве-то, – добавил Питрим. – Там отродясь ничего крупнее леших не водилось. Нежить обходит Догеву стороной, как чумную. Даже ей эти гады не по нраву. – Слово «гады» он произнес с непередаваемым омерзением, даже щека дернулась от ненависти, а костяшки скрюченных пальцев побелели, имитируя акт удушения.

Учитель относился к вампирам куда спокойнее:

– Все правильно. Обычные проблемы Догевы – болезни скота, случайные травмы, неурожай. Кстати, Питрим, вы забыли упомянуть – Повелитель Догевы официально объявил о гибели девяти подданных.

– Не верю ни единому его слову! – вставил Питрим. – Этот поганый вампир юлит, как змея под рогатиной!

– Итого, вместе с людьми – тринадцать человек за один месяц, – невозмутимо продолжал Учитель.

– А те... подданные, они тоже были магами? – поинтересовалась я.

– У вампиров нет магов. Только Травники. Неизвестно даже, рождаются ли у них дети с магическими способностями. Собственно говоря, мы не знаем о вампирах практически ничего. Среди тем курсовых работ, предлагаемых адептам, есть и такая: «Социальный уклад, быт и нравы вампирьей общины», но за сто пятьдесят лет существования Школы никто не осмелился ее разрабатывать, поэтому обычно мы ее вычеркиваем.

– Что ж, заодно поработаю над темой, – попробовала пошутить я.

– Ты не на практику едешь! – непонятно с чего взъярился Магистр, наступая на меня с такой яростью, что я свалилась в кресло, а он навис надо мной, брызгая слюною. – Ты едешь с заданием! С серьезным заданием! Никаких задержек! Никаких глупостей! Приехала, переговорила с Повелителем, и назад! Если сможешь. Девчонка, ты еще слишком молода и глупа, чтобы трезво оценить происходящее. Вампиры, которые столько лет жили с нами бок о бок, обнаглели от своей безнаказанности и убивают людей в открытую!

– Питрим, это не доказано, – тихо вмешался Учитель. В голосе старого мага сквозила неуверенность, что мне очень не понравилось.

– Это будет доказано, когда она вернется... или не вернется. Тогда, по крайней мере, мы будем знать своего врага в лицо. И знать, что он враг. До сих пор кодекс магов не позволял нам причинять зло вампирам и предписывал защищать их от фанатиков-людей. Мы не придавали значения байкам тупых селян, хотя они толпами осаждают посты, умоляя защитить их от коварных кровососов. Но теперь все изменится. Вампиры будут исключены из списка союзников и приравнены к прочей нечисти! Все! Разговор окончен. Вопросы есть?

– Почему выбрали меня? Я ведь еще адептка!

– Рекомендация твоего Учителя, – прорычал Питрим, снова являя мне упитанный задок. – Отправляйся немедленно!

Адепты ждали меня под защищенной от прослушивания дверью. Я с легкостью блокировала телепатические жучки, и коллегам пришлось удовлетворять свое любопытство методом вопросов (их было много) и ответов (тут я их разочаровала).

– Ну как?

– Что они хотели?

– Не томи душу! О чем вы говорили?!

Я напустила на себя скорбный и загадочный вид. Воцарилась благоговейная тишина, как перед выносом тела. Когда она дошла до звона в ушах, я со вздохом призналась:

– Мне предложили сменить Питрима на посту директора, но, увы, я была вынуждена отказаться – суета сего грешного мира не для меня, в связи с чем я испросила разрешения удалиться в глухой скит, где проведу остаток дней в молитвах и покаянии. Прощайте все, вряд ли мы еще когда-нибудь увидимся...

Лица будущих коллег вытянулись, как онучи после стирки. Посмеиваясь, я вприпрыжку сбежала по лестнице, на ходу надевая и застегивая куртку.

* * *

Лошадка ни о чем меня не спрашивала. За два кусочка сахара она позволила обрядить себя в седло и, после долгих уговоров, взнуздать. На дорогу мне выдали сумку с одеждой, ковригу хлеба, баклажку с водой (дырявую, то есть, можно сказать, практически без воды), мешочек с перловой крупой и, непонятно почему, меч, тупой и шатающийся в рукояти.

Дорога легко ложилась под копыта лошадки и очень тяжело – под мой изнеженный зад. Школа осталась позади, никто меня не провожал – адептов созвали на очередную лекцию. Ромашка вступила в светлую березовую рощицу, и деревья сомкнулись за моей спиной, отрезав путь к отступлению. Впереди, на обочине, неподвижно стоял человек в синем просторном одеянии, отороченном золотой тесьмой. На груди, чуть покачиваясь на серебряной цепочке, тускло светился крупный изумруд.

Я натянула поводья. Учитель подошел, коснулся рукой моего колена. Сухое тепло пробилось сквозь тонкую штанину.

– Я отвечу на твой последний вопрос, Вольха. Видишь ли, существуют проблемы, для разрешения которых малопригодна грубая сила. Никто не спорит, у меня было бы гораздо спокойнее на душе, если бы ты была отменной воительницей и профессиональной магичкой. Но в нашем случае это не имеет никакого значения, да и погибшим мало помогли знания и опыт. Ведь самый страшный и коварный монстр всех времен и народов – это... слухи. С ним-то тебе и суждено сразиться. Я посылаю тебя как самую непредвзятую адептку. Ты никогда не слушаешь старших, не веришь сплетням и наговорам; чтобы тебя убедить, нужно подsunуть правду тебе под нос, дать ее пощупать и понюхать, а уж потом ты никому не позволишь сбить себя с толку. Ты не мягкая глина, тебя не вылепишь по своему образу и подобию, и не податливый воск, на котором пропечатываются чужие слова и мысли. У тебя всегда есть свое мне-

ние. Оно мне и нужно. Я хочу знать правду. Правду о том, что происходит в Догева. Я хочу услышать ее от тебя.

– Я постараюсь, Учитель.

– Не перестарайся. И запомни – если ты не вернешься, начнется война.

Размечтался. Я вернусь.

Глава 2

Я недолго наслаждалась прохладной тишиной елового бора. Деревья поредели, тропинка обозначилась четче и влилась в широкую дорогу, опоясывающую дно пиалы. В поле за дорогой пасся стреноженный сивый жеребец. Вампир тихонько, мелодично свистнул, и жеребец поскакал в нашу сторону, грузно подбрасывая спутанные передние ноги. Ромашка насторожила уши. Вампир потрепал жеребца по загривку, снял путы и легко вскочил в седло. Я приподнялась на стременах. Догева почти сливалась с горизонтом, до нее оставалось минут двадцать легкого галопа. Вокруг же – поле, раздольное, черноземное, на отдельных участках трава выше пояса, попадаются и тщательно выкошенные полосы, и следы потравы скотом. Вдалеке двигалась, извиваясь, черно-бело-рыжая лента – коровы, идущие с водопоя.

Вампир не оставил мне времени на шпионаж. Тряхнув поводьями, он послал коня в галоп. Мне пришлось последовать его примеру, хотя хуже Ромашкиного галопа только гонки на телегах с квадратными колесами.

Проскакав около четверти версты по дороге, кольцующей долину, мы резко свернули вправо. Теперь город лежал прямо перед нами, казалось – рукой подать, но расстояние оказалось обманчивым – прошло не меньше получаса, Ромашка потемнела от пота и пожелтела от пыли, а Догева приблизилась на самую малость. Вдоль дороги потянулись домики. Они располагались на довольно большом расстоянии друг от друга, не то что в человеческих городах, где между иными лачугами едва протиснешься боком. За домиками – все те же поля, аккуратные сараюшки, сады – яблоневые и вишневые, маленькие разноцветные клочки огородов. И никаких заборов. Нет даже выраженной границы между соседними участками. О многом хотелось расспросить, но мой провожатый за всю дорогу ни разу не оглянулся. Тем не менее, когда Ромашка сбивалась с шага и отставала, он тоже придерживал жеребца. Изредка мелькали в полях занятые прополкой жители да угрюмо убирались с дороги крупные поджарые псы серовато-песочного окраса. Ни один не гавкнул, не погнался за лошадьё, однако та заметно нервничала и подозрительно косилась на клыкастых зверюг, спокойно переживавших на обочине.

* * *

Пыль сменилась булыжником, и Ромашка, оживившись, бодро зацокала подковами по каменной мостовой. Мы въехали в город.

Здесь дома стояли чуть почаше, но все равно не как у людей. Да и дома какие-то маленькие, словно только для ночлега, срублены из некрашенных бревен и покрыты черепицей. Не похоже на город ни капельки. Все чистенько, пахнет цветами и хвоей. По бокам мостовой – трава. Вокруг – нетронутый лес, расчищены только просеки для дорог и строений. В кронах деревьев, а то и прямо на крышах самозабвенно распевают непуганые птицы. Под ногами не путаются ни куры, ни свиньи, только тоскливо провожают путника взглядом все те же странные псы без ошейников.

Встречные жители кидали на меня любопытные взгляды. Званная гостья отвечала им тем же.

Мостовая подкатилась к круглому фонтану, обтекла его, скрестилась с поперечной, тоже вымощенной дорогой и устремилась дальше. У фонтана сивый жеребец остановился и, опустив

длинную усатую морду за каменный бортик, припал к воде. Я поравнялась с ним и ослабила поводья. Ромашка тяжело, благодарно вздохнула, и я услышала, как в ее подрагивающих боках булькает глотаемая вода.

– Эй, хватит с тебя! Остынь сначала! – Я резко натянула поводья.

Ромашка возмущенно расфыркалась.

– Не волнуйся, она не обопьется, хоть и долго бежала. Эта вода никому не может навредить. – Вампир спешился, передал поводья подбежавшему мальчугану.

Соскочив на землю, я зачерпнула пригоршню воды, поднесла ко рту. Вода была свежая, чистая, с привкусом кремния. Знакомые искорки побежали от кончиков пальцев к селезенке. Сколько бы Учитель ни твердил, что магия должна исходить от самого сердца, лично у меня она обосновалась внизу живота, как и реакция на ее присутствие. Очевидно, глубоко под землей водяная жила пересекалась с магической, придавая воде уникальные свойства. Вот она, царица легенд, живая вода. Неудивительно, что жителям Догевы не нужен ни маг, ни знахарь. Магия бьет ключом перед самым их носом.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Энергия расплзлась по моему брэнному телу, подпитывая ауру и наполняя резерв. Как объяснял Учитель, у человека есть две невидимые оболочки. Одна – постоянная, любое изменение в ней отражается на здоровье и настроении, чем пользуются колдуны, практикующие наведение и снятие порчи. Это и есть аура. Вторую оболочку можно сравнить с орудием, которое человек может использовать сознательно. Или не может. Обычные люди не могут. Это как шевелить ушами, врожденный дар – либо есть, либо нет. Если его правильно использовать, постоянно развивать, как делают это в школах, он останется с тобой на всю жизнь. Ну, конечно, при волшебстве он растрачивается, но потом снова восстанавливается – либо сам по себе, через два-три дня, либо при помощи природных источников. В аудитории геомагии висит огромная, во всю стену, схема расположения магических жил Белории и точек их выхода на поверхность – запомнить ее целиком не удастся даже преподавателям, чем бессовестно пользуются некоторые адепты: на экзамене с уверенным видом тыкают в карту наугад, куда-нибудь да попадут. Последний раз мне удалось восполнить резерв из жилы, проходившей под сортиром харчевни «Золотое яблоко», что в сорока верстах от Стармина. Потом в дверь замолотили с такой силой, что пришлось прерваться. Что поделаешь, жилы не выбирают, где проходить. Может, хозяин харчевни обнаружил, что нигде не сидится так хорошо, как над жилой, и воздвиг на полюбившемся ему месте сортир.

По правде говоря, настоящие профессионалы, архимаги, не нуждаются ни в каких жилах, да и резервом не ограничены. Они умеют черпать силу прямо из стихий. Но далеко, ой как далеко адептке-восьмикурснице до архимага – два года учебы да еще четыре степени магистратуры. Не всякий выдержит.

Бассейн фонтана был выложен светло-серым камнем, гладким на сколах и напоминающим кремь. Никаких писающих мальчиков, поставленных на хвосты рыб и прочих мутантов, исторгающих воду из самых неподходящих мест, – только неотесанные камни и высокий конус в центре бассейна. Из расщелин выбивались сотни тонких рассыпчатых струек, от крохотных, в пядь, до не уступающих деревьям. На мостовой трепетало кружево прозрачных радуг, водяная пыль искристой крошкой оседала на волосах.

Мой провожатый, отлучившись на минутку, привел с собой трех вампиров, которые представились как Совет Старейшин, но не показались мне чересчур старыми. Если бы не серьезные, пронизательные глаза да редкие нитки седины в черных волосах, я бы дала им лет по тридцать.

Ромашка уже напилась и, повернув морду к дружной троице, подозрительно стригла ушами.

Вежливо поприветствовав молодых Старейшин, я поинтересовалась, когда я смогу получить аудиенцию у Повелителя Догевы Арр'актура тор Ордвиста и т. д. и т. п.

Старейшины замялись. Смущенно помолчав, они признались, что не знают, где он, и с утра еще его не видели. Вы представляете, что бы творилось у нас, в Стармине, если бы король не мозолил глаза ни одному из подданных больше двух с половиной минут?! Подняли бы панику, кликнули стражу, привлекли сыщиков, согнали в кучу магов и прорицателей, в лепешку бы расшиблись, а выяснили, куда изволил удалиться досточтимый монарх. И установили бы за этим местом скрытое наблюдение. А здесь, извольте видеть, П. Д. А. О. Ш. и т. д. исчез в неизвестном направлении и мне об этом сообщают так же спокойно, как о нынешнем урожае свеклы.

Следующее предложение Старейшин отличалось еще большей новизной и своеобразием. Я никак не могла вписаться в траекторию полета их мыслей. Они сказали мне:

– А вы его поищите где-нибудь. Может, найдете.

Час от часу не легче. Я не пробыла в Догеве и часа, а мне уже предлагают обшарить ее в поисках Повелителя, о котором сами догевцы имеют весьма смутное представление!

Старейшины и провожатый стали наперебой уверять меня, что Повелитель вот-вот придет и я могу подождать его здесь, у фонтана. Я оглянулась на любопытных, понемногу стягивающихся к площади, внутренне содрогнулась и изъявила полную готовность приступить к розыскам.

Старейшины горячо пообещали содействовать мне в этом славном начинании и, откланявшись, удалились, оставив меня у фонтана наедине с проводником.

– Как он хоть выглядит? – обреченно поинтересовалась я.

– Увидите – узнаете.

– Молодой, старый?

– Совсем еще мальчишка. В прошлом году ему исполнилось семьдесят три года. – Он сказал это очень серьезно, как говорят заведомую ложь маленькой девочке, и я немного обиделась. Что они скрывают? Не съест же меня этот Арр'актур. Или съест?!

– Где я могу искупаться и вымыть лошадь? – вспомнила я. Ромашка, заинтересованная сторона, положила морду мне на плечо.

– Проедете немного по южному кресту и свернете на четвертую слева тропинку.

Я замешкалась, не сразу сообразив, что крест – это скрещение мощеных дорог, каждая из которых указывает на одну из сторон света.

– А вы...

– Да? – Он обернулся. Длинные темные волосы рассыпались по плечам.

– Вы не проводите меня?

– Мне нужно возвращаться. Я Страж, я не могу надолго покидать Границу.

– Подождите... Еще один вопрос... – Я замялась, не в силах подобрать слова. – Вы... Неужели вы не боитесь?

– Чего?

– Ну, я... вы, конечно, не можете сказать мне это в лицо... но я – чужая здесь. Вы не боитесь, что я что-нибудь натворю? Конечно, я в общем смысле, за себя-то я ручаюсь, но вы же меня совсем не знаете! Кто-нибудь другой мог бы... ну... что-нибудь испортить, в общем, совершить какой-нибудь плохой поступок? Вы не боитесь этого? Ведь я остаюсь совсем одна!

– Мне показалось, вам нравится одиночество, – спокойно ответил Страж. – Я подумал, что самостоятельная экскурсия по городу доставит вам больше удовольствия, чем постоянный конвой за спиной. Впрочем, если вы чувствуете себя одиноко или неудобно, я могу подыскать вам провожатого.

– Нет-нет, вы правы, – торопливо согласилась я. – Я никогда не скучаю в своем обществе. Но все-таки... Вы не боитесь отпускать меня одну?

– Вы в Догеве, – серьезно сказал он, вскакивая в седло. – Здесь вы никогда не будете одна.

Глава 3

Уже восемь минут я сомневалась в своих математических способностях. Вроде бы он сказал – четвертая тропа. Вроде бы на четвертую я и свернула. Или у вампиров другая система счисления?

Но тут в мою щеку алчно впился рыжий речной комар. Жажда крови ни к чему хорошему не приводит. Комар поплатился за свое злодеяние, я смахнула его бранные останки с ладони и подбодрила Ромашку каблуками. Деревья раздвинулись, тропа круто оборвалась, и мы с лошадкой выбрались на небольшую прогалинку возле уютного лесного озерца, маленького, но чистого до черноты. Родичи невинно убиенного комара накинута на меня со страстной жаждой мщения и крови. Я пооплодировала им и спешила.

Озеро было занято. Серые штаны конкурента вольготно раскинулись на ольховом кусте. Рядом валялась потрепанная кожаная куртка, расшнурованные сапоги и странного покроя рубашка с двумя узкими прорезями на спине.

Приглядевшись, я заметила его встрепанную – не успел, видимо, окунуться, – голову, затылком ко мне, медленно движущуюся по направлению к кувшинкам. Плеск далеко разносился по воде, подернутой белесой вечерней дымкой. Длинные волосы набрякли на концах, отяжелели и липли к шее, когда пловец приподнимался над водой в мощном гребке. Заходящее солнце вызолотило макушку незнакомца. Ни у кого в Догеве я пока не видела светлых волос – да еще такого необычного, бледно-золотистого, льняного оттенка.

Тут пловец нырнул, после чего разом потемневшие пряди облепили его голову, как щупальца лежащего на затылке осьминога. Не могу же я ждать, пока он наплещется и уйдет баиньки! От Ромашки остро разило побтом, от меня, надо полагать, тоже. В конце концов, совместное купание в одном озере еще ни к чему не обязывает. Закинув повод на сучок березы, я попыталась расседлать нетерпеливо приплясывающую кобылу дрожавшими от усталости пальцами. Потник прилип к ее горячей натруженной спине, а седло оказалось до того тяжелым, что вырвалось у меня из рук и упало в траву. Махнув на него рукой, я повела лошадь к воде, по дороге достаточно неаккуратно расставаясь с предметами туалета. Последней слетела полупрозрачная шелковая рубашка, вся в разводах пота. Я осталась в том кружевном ансамбле, который со скидкой на его миниатюрность можно было назвать отдельным купальником.

Тут только я заметила, что беловолосый тип, осмелившийся замутить мое озеро, стоит у берега по пояс в воде и с возрастающим удовольствием подавшись вперед для лучшей видимости наблюдает за бесплатным стриптизом.

– А сейчас будет самое пикантное, – мрачно сообщила я, выпуская повод. Моя заморенная лошадка обрела небывалую прыть. Она с разбегу врезалась в воду широкой грудью, пенящая волна сбила шарханувшегося типа с ног и окунула с головой.

Пользуясь его замешательством, я последовала за кобылой. Ромашка, зайдя по шею, блаженно замерла, расплескав по поверхности белую гриву. Из-под копыт лошади чернильными струйками поднимался жесткий крупитчатый ил из кусочков перепревших листьев и ольховых шишечек. Пряди колючего роголистника оплетали ноги, как невод, закинутый стариком в расчете на золотую рыбку. Истосковавшись по ванне (если, конечно, не считать ванной помой, выплеснутые из окна мне на голову на одной из узких улочек Камнедержца), я плескалась в воде добрый час, выполаскивая из волос дорожную пыль и оттирая Ромашку пучком водорослей, отчего та слегка позеленела и приобрела приятный запах тины. Накупавшись всласть, я повела лошадь к берегу и тут только заметила, что свежeweмытый тип, о котором я успела напрочь забыть, не ушел. В штанах, но с обнаженным торсом он сидел на травке, растопырив серые крылья для вящей просушки. Угольно-черные брови и ресницы резко контрастировали с мокрыми, но все равно слишком светлыми волосами, небрежно отброшенными за плечи.

Симпатичный парень, худощавый, но ладный, чувствуется сила. На груди, на тонком шнурке, висел амулет в виде когтя из коричневого, брызжущего золотыми искрами камня.

– Привет, – с клыкастой усмешкой сказал вампир, изучая меня с ног до головы. Взгляд у него был спокойный, глаза чуть насмешливые, искромётные, ровного серого цвета.

– С легким паром, – буркнула я, наклоняясь и выдергивая из-под нахала свой левый сапог.

– И тебе того же, – иронично ответил он. – Я Лён.

Подходящее имя, больше похожее на приставшее в детстве прозвище. Глядя на его подсыхающую голову, я сразу вспоминала поле вызревшего льна, тихонько и задумчиво шуршащего маслянистыми семенами в пузатых коробочках.

– Береника, – невесть зачем солгала я.

– Врешь, – ни на мгновение не задумался вампир.

– Ладно, Вольха, – с досадой проворчала я. – Неужели во всей Догеве не сыщется ни одного вампира, пребывающего в глубоком неведении касательно моей скромной особы?

Вампир изучал меня с неослабевающим, явно нездоровым интересом.

– Боюсь, что нет. Долина не так уж велика, здешние новости разлетаются со скоростью ветра. Хочешь меня еще о чем-нибудь спросить?

– А должна?

– Нет, но я могу ответить.

Я промолчала, доставая из притороченного к седлу выюка чистую рубашку. Он ждал, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Вопросы-то у меня были. Но все какие-то сложные и неоформленные. Попробуйте вытряхнуть из банки одинокий соленый огурец. Легко, правда? А если их там с десяток и каждый стремится попасть на тарелку первым? Вот так и мои вопросы. Они сцепились боками, как огурцы, и по отдельности вырваться из меня не могли.

– Темнеет. Пора возвращаться, – сказал светловолосый, глянув на уткнувшееся в горизонт солнце. Комары завывали все кровожаднее, вынуждая поторапливаться. Приложив немало усилий, я со второй попытки забросила на Ромашку седло (после первой мне пришлось обойти лошадь и подобрать его с земли). Не успев возрадоваться, я заметила потник, прикорнувший под кустом. Пока я за ним ходила, Ромашка встряхнулась и незакрепленное седло шмякнулось на песочек. Поскрипев зубами, я водрузила его на место, предварительно накинув потник. Сил у меня почти не оставалось, и ремни подпруги сошлись на второй дырочке. С сомнением оглядев четвертую, порядком разношенную, я решила идти пешком, дабы не сползти под лошадиное брюхо вместе с седлом.

Вампир встал, вежливо отеснил меня в сторону и одним рывком, без видимых усилий, затянул подпругу и застегнул пряжку как следует.

– Проводить тебя?

Я неопределенно пожала плечами. Какая, собственно, разница – этот вампир мною поужинает или другой? Тем более что обратную дорогу я представляла себе довольно смутно.

Итак, мы шли рядом, зеленая кобыла трусила позади, то и дело натягивая повод, чтобы выдернуть клочок травы из обочины, а толковые вопросы упорно не желали приходиться на ум.

– Дорога дальняя? – спросил наконец Лён, сжалившись надо мною.

Я покосилась на вампира, но тот беспечно помахивал заброшенной за спину курткой, не выказывая особого голода.

– Три дня пути.

– Из Стармина, верно?

– Почти. Из пригорода.

– Уезжала когда-нибудь так далеко?

– Нет, никогда. Надеюсь, причина стоящая... ты, гнусная скотина! – Кобыла, чей резкий рывок едва не вывихнул мне руку, с сожалением отказалась от одинокой головки красного клевера, завлекательно качающейся над низкой травой.

Ни Лён, ни Ромашка не обратили на мой праведный гнев ни малейшего внимания.

– Даже слишком. Тринадцати она уже стоила жизни.

– Все так серьезно?

– Серьезней, чем ты думаешь. – Убежденный голос вампира не позволял сомневаться в обратном. Увы, на меня он не подействовал.

– Чтобы думать, надо что-то знать. Что здесь у вас творится?

– Не знаю, – честно сознался Лён, пожимая плечами.

– Ты же говорил, что можешь ответить на мои вопросы! – возмутилась я.

– На твои – да. А этот я задаю себе.

– Ну хоть примерно, – не отставала я, забегая вперед, чтобы видеть его лицо. – В этом замешан кто-нибудь... из ваших?

– Нет, – отрезал Лён.

– В таком случае какие-нибудь предположения имеются?

– Я прожил в Догеве всю свою жизнь, – тихо и серьезно сказал он. – Мне знакомо здесь каждое дерево, каждый камень, каждое живое существо... да и в неживых я неплохо разбираюсь. С **ЭТИМ** же сталкиваюсь впервые. Оно не живое и не мертвое, настолько странное и непонятное, что само его существование противоречит всем известным законам. Но оно об этом не знает и существует в свое удовольствие.

– Это нежить?

Вампир иронично хмыкнул.

– По крайней мере, ни с чем живым не спутаешь.

Я попала в свою колею.

– А как оно выглядит?

– По-разному. Иногда это громадная собака, иногда длиннющая гадина на паучьих ножках, иногда у нее есть рога, иногда крылья. Но не в этом дело. У меня такое чувство, что оно... одно. Оно принимает всевозможные обличья, чтобы сбить нас с толку.

– С чего ты взял?

– Я запомнил его сущность. Это сложно описать, мы, вампиры, воспринимаем мир несколько иначе, больше доверяя пресловутому шестому чувству, нежели зрению или слуху. Когда мимо пролетают две птицы, я чувствую, что их две. У них есть своя индивидуальность. Чудище тоже ею обладает. Я чувствую его приход одинаково, в чьей бы шкуре оно ни явилось.

– Ерунда. Это тебе не птица из плоти и крови. Это нежить. Имя у нее одно – смерть.

Лён смотрел куда-то вдаль, глаза у него были безучастные. Мне он явно не поверил, но и ссориться не хотел, а посему просто махнул рукой:

– Они тоже так говорили.

– Кто?

– Те, кто явились до тебя.

– Они... умерли?

– Их убили, – поправил он, накидывая куртку. Я последовала его примеру. В сумеречном лесу быстро холодало.

– Вы вызвали мага из Камнедержца, чтобы он уничтожил ее?

– Нет. Он пришел сам. Ему нужен был совет. Утром мы нашли его тело на булыжной мостовой, и сгустки крови багровели на стенах и крышах соседних домов.

Если Лён и лгал, определить это было невозможно.

– Кто-нибудь видел, как это произошло?

– Видели, как оно убегало в лес. А на следующую ночь погиб мальчик.

– Ваш?

– Да, ему было десять лет, он возвращался с товарищем с рыбалки. Оставшийся в живых подросток закричал, выскочили соседи, оно рывкнуло, бросило труп и убежало.

– Опять в лес? – скептически уточнила я, отмахиваясь от кобылы, пытающейся заслужить мое прощение жарким фырканьем в левое ухо.

– А ты бы побежала в сортир? – ехидно осведомился Лён.

– Я бы не побежала, – парировала я. – Моего второго коллегу вы пригласили целенаправленно?

– Ну... Можно сказать и так, – замялся вампир. – Его кончина тоже была констатирована с запозданием. А вот следующий чаровник погиб у меня на глазах. Чудище на этот раз походило на волосатую глыбу на коротких лапках, с маленькими горящими глазами и широкой зубастой пастью. Ехидно вызверилось издали и шмыгнуло в кусты, будто растворилось.

– Так. Следующий?

– Пожилой мужчина. Сутки спустя – две женщины. Мы не успели даже к развязке. Но результаты тоже были... ошеломляющие.

– Вы не пробовали ставить дома почаще? – съязвила я.

– Как в ваших крысятниках? – Лён имел в виду человеческие города, и я безропотно проглотила шпильку.

– Да, загадка. Остальные бедолаги, я полагаю, перешли в мир иной не менее ужасным образом?

Он молча кивнул.

– А какой совет нужен был Магистру из Камнедержца?

Вампир не успел ответить. Мы вступили на мостовую. Переходившая ее женщина торопливо поклонилась Лёну, весомым шлепком принудив к тому же малолетнего отпрыска лет эдак трех-четырёх, цеплявшегося за ее юбку. В моей душе всколыхнулись смутные подозрения.

– Тебя здесь хорошо знают?

– Здесь все друг друга знают.

– Мне нужно передать кое-что одному типу.

– Кому? – рассеянно спросил Лён, едва кивая женщине.

– Я уже забыла. В общем, он здесь главный.

– Повелителю?

– Да, как там его?

– Я и сам иногда путаюсь. Отдай мне, а я ему передам.

– Не могу. Ты его хорошо знаешь?

– Лучше, чем хотелось бы, – вздохнул Лён.

Тут я увидела идущих нам навстречу Старейшин. Плечом к плечу, в той же комбинации, синеглазый слева, коротковолосый в центре, словно скололи тоги булавками. Вид у них был очень торжественный. Досадливо поджав губы, Лён остановился. Я тоже. Старейшины сделали еще несколько шагов и синхронно поклонились моему спутнику.

Я посмотрела на Лёна.

Я почувствовала себя обманутой.

Я сунула ему мятый свиток и перешла в шеренгу Старейшин.

Похоже, мне все-таки удалось отыскать Повелителя Догевы.

Глава 4

Меня разместили в маленьком уютном домике неподалеку от фонтана. Его хозяйкой оказалась пожилая вампирша, низенькая, пухлая, излишне доброжелательная и разговорчивая. После официальной передачи свитка Старейшины потащили Лёна (именно потащили,

он очень не хотел идти) в некий Дом Советаний, и он едва успел перекинуться со мной парой слов. Я, со своей стороны, тоже не горела желанием с ним общаться. Во-первых, я чувствовала себя полной идиоткой. Во-вторых, отчетливо понимала, что останусь ею навсегда, ибо поумнеть, как мне казалось, после восемнадцати лет не удастся никому. Я достала из сумки лист бумаги с пронумерованными пометками каракулями Учителя. Итак, согласно этикету, при встрече с Повелителем Догевы я должна была: 1) согнуться в земном поклоне, 2) назвать его полное имя и титулы, 3) дожидаться вопроса, 4) назвать свое имя и цель прибытия, 5) вознести хвалу небесам за то, что они даровали мне сей светлый миг встречи, 6) пообещать хорошо себя вести и 7) униженно попросить позволения остаться в Догеве, пока не надоест. И, рассыпавшись в изъявлениях благодарности (даже если получу пинок под зад), отвесить еще один поклон и церемониально вручить свиток.

Вместо этого я пустила на него разгоряченную кобылу, без разрешения перешла на панибратское «ты», забросала дурацкими вопросами, забыла его полное имя и призналась, что не жажду его вспоминать. В общем, хуже некуда. Но все-таки какой привлекательный мужчина... Красивый. Обаятельный. Спокойно с ним как-то. Я вздохнула. И насторожилась. Как там в байках про вампиров? Прилетают, шепчут что-то ласковое под окном, девицы млеют и распахивают ставни. Нет, пора кончать это безобразие, пока рука сама не потянулась к засову.

– Что ж ты, деточка, во дворе стоишь? Заходи, милая, отдохни с дороги.

Я подняла голову. Вампирша, к которой меня определили на постой, жизнерадостно улыбалась мне с крыльечка. Крыльев у нее не было, как и у всех догевских вампирок. Клыки короткие, незаметны под алой верхней губой. Ишь, на отдых зазывает... На вечный небось. Поколебавшись, я затянула бант из поводка на столбике перил у крыльца, прихватив дорожную сумку и меч. Как же без него? Меч в моих руках – страшное оружие. Для меня самой. Я уверена, что мечи – одушевленные существа и они против меня что-то имеют. В битве на мечах я всегда спасалась тем, что вовремя бросала меч и била противника в лоб заклинанием. Одно дело – завистливо наблюдать за рыцарским турниром, и совсем другое – махать этой тяжелой орясиной перед носом настоящего противника, держа ее одной рукой, пуще того – левой, потому что две трети заклинаний сопровождаются необходимыми пассами. В промежутках же между победами (ежели оные вообще будут) меч оттягивает мой пояс влево, цепляется за что ни попадя и, колотясь по бедрам при ходьбе, оставляет на них продолговатые синяки. Противники избавили бы себя от множества хлопот, вручив мне меч и удрав без оглядки. Я преотлично нарежусь без посторонней помощи.

Вот и теперь коварный меч умудрился юркнуть в щель между косяком и дверью и, заклинив, с силой дернул меня за пояс, как псину за ошейник. Хозяйка честно попыталась скрыть усмешку за кашлем, но глаза выдавали ее с потрохами.

– Я вам не очень помешала? – выдавила я, разобравшись с мечом.

– Что ты, деточка, у нас так редко бывают гости, что твой приезд – настоящий праздник. Я метнула на нее косою недоверчивый взгляд. Вроде бы не издевается.

Вампирша продолжала:

– Живу я одна, детей нет, дом пустой – иногда даже жутко становится. Проходи, проходи, не стой в коридоре. Сумку можешь на кресло положить. Для вещей я освободила верхний ящик комода, размещайся, как тебе удобнее. Вот твоя кровать. В шкафу висят полотенца и халаты, в ящиках – все, что может понадобиться молодой девушке. Если понадобится что-нибудь незапланированное, обращай ко мне, чем смогу – помогу.

Она так загадочно подмигнула, что мне стало неловко.

– Ой, я и так всю комнату заняла... А как же вы?

– Ничего-ничего, я на кухне на печи переночую. Для нас, стариков, так даже лучше – кости погреть.

Стариков?! Да ей не больше сорока.

– Извините...

– Да? – улыбчиво подхватила она.

– Я забыла спросить, как вас зовут.

– Ах, это я забыла представиться. Хм... Знаешь, зови меня просто Крина, деточка.

Я хотела спросить, зачем вампирам такие длинные и трудно выговариваемые имена вроде пресловутого имени Арр'актура, едва не сломавшего Учителю язык, если в ходу исключительно прозвища, но решила не отягощать свою совесть еще одним дурацким вопросом.

Покрутившись немного по комнате и неизвестно зачем выдвинув и снова задвинув средний ящик комода, Крина ободряюще кивнула и удалилась на кухню, оставив меня наедине с моим интеллектом, то есть практически в одиночестве. Я устало плюхнулась на покрытую пледом кровать и наконец-то смогла перевести дух. Н-да, такие насыщенные впечатлениями дни случаются раз в году и не всегда завершаются благополучно. Эх, еще бы ночь пережить...

В комнате быстро темнело; в светло-фиолетовых сумерках маячила за окном белесая тень месяца. На столе стоял подсвечник с тремя свечами, я привычно щелкнула пальцами, и на обугленных фитильках затрепетали желто-розовые лепестки пламени, затопив комнату светом – золотистым, мягким, уютным. Не мешало бы прихватить огарочек на память – задам задачку лаборантам с кафедры алхимии. Пусть выяснят состав свечного воска – не дымит, не трещит, почти не оплывает, пламя ровное, спокойное, неизменно идеальной формы, как перевернутая капелька. На дверце шкафа висело зеркало, я машинально посмотрелась в него и почувствовала себя коренной обитательницей Догеvy. Пламя свечей отражается в расширенных зрачках, волосы растрепались, нос хищно заострился, щеки в тени, губы вызывающе алеют, в общем, типичная демоническая харя, еще и нечесаная. Последний раз я причесывалась утром и, кажется, сунула гребень в сумку. Если бы я была аккуратной девушкой, я бы, без сомнений, там его и нашла. А так пришлось вытряхнуть все содержимое на пол. На полу образовалось нечто вроде баррикады, из которой, как алебарда последнего защитника осажденного города, торчал осиновый кол. Я поспешила затолкать его обратно в сумку.

Выдвинув верхний ящик комода, я занялась сортировкой и укладкой привезенных вещей. На самое дно пошли запасные штаны, теплый свитер, льняная рубашка и три головки чеснока, тщательно завернутые в тряпицу. За ними последовали длинные, белые мужские порты (сумку собирала не я, ее с ворчанием сунула мне кладовщица, неприятная старая карга, скупая до безумия), накрахмаленная ночная рубашка, пышная полупрозрачная блузка, уничиительно мало нижнего белья и загадочный сверток с многообещающей надписью «Женский набор». Что делать с портами, я не знала. Быть может, я должна была торжественно вручить их Повелителю Догеvy? Или я еще успею сделать это завтра, при большом скоплении народа? А это что за пакетик? Я развернула его и обнаружила длинную, острую серебряную шпильку. Что же это получается, отправили ловить загадочную нежить, а инвентарь выдали на вампиров? Странно как-то. Кого я, собственно, должна спасти – вампиров от нежити или... нежить от вампиров? У меня возникло подозрение, что никакой нежити не существует, а я послана в Догеvu в качестве подсадного донора – клюнут на меня вампиры или нет?

Видимо, так же рассуждали и наставники, потому что на самом дне сумки обнаружилась засаленная книга некоего Тюдора Избавителя – «Кровопийцы». Я наугад полистала ее, и мне стало страшно. Там были зубные формулы, схемы укусов и гравюры с изображением непотребных монстров, алчно присосавшихся к лебяжьим шейкам бедненьких девиц, разметавшихся по простыням. Между страницами обнаружился мой гребень. Я поскорее запихала книгу под белье. Не хватало мне еще ночных кошмаров. И так, чувствую, всю ночь буду ожидать скрипа петель и хлопанья крыльев.

Я хотела сразу закрыть ставни, но их не было. Не было и занавесок, которым полагается загадочно колебаться во время визита летучей мыши. Вместо бычьих пузырей и слюды рамы забраны тонкими пластинами горного хрусталя, прозрачного и безумно дорогого материала.

«Ладно, слетайтесь, гости дорогие», – подумала я, распахивая окно. Струя прохладного ночного воздуха плеснула мне в лицо. Комната была маленькая, но очень уютная, чистенькая, обставлена скромно: кровать (высокая, с копной подушек), впритык – комод, на стыке стен – шкаф, за ним, уже вдоль другой стены, большой сундук, стол и стул с обитым сиденьем и спинкой. Напротив стола – пустая стена с дверью. В стене напротив кровати прорублены два окна, между ними – гобелен: девочка в платьице с передничком, сандалях и красной островерхой шапке, на согнутой в локте руке – корзинка с булочками, рядом – крупное хищное животное, а на заднем плане – еловый лес, точь-в-точь догевский. В центре комнаты – шагов семь свободного пространства, прикрытого ковриком из ивовых прутьев. Стены обшиты досками, светлыми, вроде бы березовыми, которые плотно смыкаются зубчиками по краям, образуя красивый зигзагообразный узор.

Я исследовала шкаф и сундук, но, если там и содержались какие-либо доказательства кровопийства, к моему заселению их ликвидировали. В шкафу, на некотором расстоянии от остальной одежды, одиноко висел новый чистый халатик, явно заготовленный для меня. Я немедленно избавилась от куртки и накинула халатик. Только я присела на стул, чтобы расшнуровать сапоги, как по раме забарабанили. Прыгая на одной ноге и приволакивая другую, я добралась до окна. На улице стоял незнакомый темноволосый вампир, и я машинально потянулась к незастегнутым пуговицам халатика. Но его мало интересовала моя лебяжья шея. Сухо и официально сообщив, что я приглашена на ужин в Дом Советаний в качестве почетной гостьи, он буквально растворился в ночи, не дожидаясь моего ответа.

Что ж, «почетная гостья» звучит более оптимистично, чем «главное блюдо». Но в чем же я пойду? Почти все мятое, потное. На затылке колтун – сразу надо было расчесываться, а не ждать, пока волосы высохнут. Сапоги обметаны рыжей грязью. Где бы их вымыть?

«Главное, шею вымой – и сойдет», – ехидно шептал внутренний голос.

В дверь постучали, и Крина осторожно заглянула в горницу.

– Деточка, тебя там в Дом Советаний вызывают.

– Да, да, я уже знаю.

– Одолжить тебе юбку?

У меня словно камень с души свалился. Чистая блузка, юбка – и можно показаться в приличном вампирьем обществе.

– Да, пожалуйста. Что бы я без вас делала...

– Пустяки, деточка. – Крина уже передвигала плечики в шкафу. – Вот эта, пожалуй, подойдет. Или, хочешь, примерь черную; она, правда, более строгая...

Но мне сразу приглянулась белая, свободная, достигающая лодыжек, с длинными разрезами до середины бедер. До середины бедра у меня как раз стройные. Я ожидала замечаний по поводу блузки, просвечивающей, как решето, но Крина похвалила покроем и сказала, что я выгляжу очень элегантно. Пока я, закусив губу, раздирала колтун гребнем, Крина извлекла из сундука завернутые в замшу белые туфли на высоких каблуках. Они возвысили меня над полом на добрых полпяди. В Школе запрещено ходить на «шпильках», я чувствовала себя очень неустойчиво, но расстаться с ними не согласилась бы ни за какие коврижки.

– Хорошо, деточка, очень хорошо, – одобрила Крина. – Иди, тебя уже ждут.

– А куда?

– По южному кресту третий дом от фонтана.

– А... я что-нибудь должна взять?

– Зачем? – удивленно подняла брови Крина. – Это всего лишь ужин. Неофициальный.

– А... речей никаких не надо произносить?

– Нет, что ты! Повелителю и Старейшинам ты уже представлена. Поздоровайся и сразу присаживайся к столу.

Я вздохнула и тоскливо оглянулась на прислоненный к комоду меч. Что ж, раз уж мне суждено погибнуть от зубов вампира, пусть, по крайней мере, это будет симпатичный вампир.

Глава 5

На улице было темно – глаз выколи. Месяц ретировался в лохматую тучку, не желая принимать участия в моей печальной судьбе. Звезды холодно, злорадно мерцали. В глубине редкого кустарника пронзительно стрекотали крупные зеленые кузнечики. Вдалеке что-то квакало – вероятно, лягушки, хотя здесь, в Догеве, ни в чем нельзя быть уверенной. Ни одного огонька, ни одной искорки, никаких признаков цивилизации, кроме теплой Ромашкиной морды, которую я долго ощупывала в кромешной тьме. Хоть бы одно окно засветилось. Неужели все уже спят? А может, как раз-таки не спят? Подкрадываются, заходят на посадку, тянут когтистые лапы к хрупкой девичьей шее...

Рука, легко коснувшаяся моего плеча, отнюдь не была когтистой. Пальцы как пальцы, длинные, чуткие, ногти как ногти, аккуратно подстриженные. Вампир, стучавший в окно, терпеливо поджидал меня у крыльца. В следующую секунду он взвыл и согнулся, горестно скрепив руки ниже пояса.

– Ой, извините... – смущенно пролепетала я. – Я машинально...

– О-о... Ни... ничего-о... – мужественно солгал он. – П-пойдемте, я провожу.

Я шла чуть поодаль и слышала, как он сдавленно постанывает и спотыкается. «Лучше бы он меня укусил», – раскаивалась я.

Впереди зашуршало – это подбитый мною вампир пытался нащупать ручку двери, но та ускользала из-под пальцев, как верткий выюн в мутной луже. Самооборона удалась на славу.

Но вот ручка попалась, провернулась, дверь скрипнула, и я увидела черный провал на фоне серого косяка. Вампир, не выпуская ручки и вместе с тем стараясь держаться как можно дальше от меня, кивнул на прямоугольную дыру в никуда.

Оглянувшись в последний раз, я обреченно шагнула через порог. Дверь захлопнулась за спиной, как крышка гроба. Темнота и тишина обволокли меня плотным коконом. Я стояла, пошатываясь на каблуках и оценивая ситуацию. В какой склеп они меня затащили? Подумав, я пришла к выводу, что нахожусь в прихожей, а сам склеп дальше по коридору – возможно, в подвале. Я вытянула руки и сделала несколько неуверенных шагов вперед. Пустота. И очень неприятное, но ничем не обоснованное предчувствие, что пол сейчас кончится. Еще два шага, и что-то боднуло меня в грудь. Я судорожно ухватила таинственное существо за рога. Рога были короткими, квадратными и деревянными на ощупь. Между ними росла длинная гладкая шерсть.

– Эй, есть здесь кто живой? – заорала я, потеряв терпение.

И тут одна за другой загорелись свечи, заставив меня заморгать и сощуриться. Я стояла посреди длинной комнаты, сжимая спинку низкого стула, и ощупывала затылок сидящего на стуле вампира. За стулом был стол на тридцать персон, персоны сидели по местам, и три канделябра, ветвистых, как рога благородного оленя на десятом году жизни, освещали белую скатерть, уставленную всевозможными яствами. У меня подкосились каблуки, и я зашаталась, судорожно цепляясь за стул. Озорной ветер распахнул дверь и с любопытством пронесся по комнате. Легкая белая юбка вздулась пузырем, и сидевшие за столом вампиры имели удовольствие лицезреть не только нижние, но и верхние части моих бедер.

К чести присутствующих, они не позволили себе ни единого смешка. Пока я боролась с юбкой, кто-то из них встал и закрыл дверь на задвижку. В атмосфере похоронной серьезности один из Старейшин поднялся, сухо и официально поприветствовал меня, представил гостям и любезно выдвинул предназначенный мне стул. Я на мгновение замешкалась. Будь я Магистром 4-й, низшей степени, я сочла бы себя оскорбленной. Отведенное мне место нахо-

дилось на противоположном от Лёна конце стола, причем на длинной стороне, так что Повелителя от меня загораживали двадцать восемь плеч и четырнадцать голов. Ладно, я всего лишь адептка, но ведь я еще и гость. А гостю полагается сидеть около или, по крайней мере, напротив хозяина.

Тем не менее я села и благовоспитанно сложила руки на коленях. Без особой радости сообщив, что мне в Догеве очень рады, Старейшина тоже сел и дал знак приступать к трапезе. Официальность неофициального ужина угнетала. В воздухе повисло напряжение. Никто не прикоснулся к еде. Удивленно брякнула упавшая ложка. Я решительно ничего не понимала. Меня так тепло встретили... Что же изменилось? Почему Лён опустил глаза в тарелку и даже не смотрит в мою сторону? Может, ему стыдно за предстоящее злодеяние?

«Клыки длинные имеет, до крови лакомый зело» – цитата из «Кровопийц», прихваченная памятью, всплыла перед глазами.

– Эриус, что же вы? Ваша очаровательная соседка может остаться без ужина, – обратился Старейшина к моему соседу. Видимо, голодная девица не вызывала у кровопийц особого аппетита. Эриус, спохватившись, начал расхваливать мне ближайшее блюдо, украшенное петрушкой и напоминавшее жареные во фритюре глаза. Я любезно (внутренне содрогаясь) отказалась. Тогда мне были предложены: колбаса-кровянка (черное сморщенное кольцо), заливное (скорее всего, из ножек младенцев), печеночный паштет (из печени неизвестного происхождения), ветчина (однозначно человеческая) и аналогичная гадость. Я благоразумно ограничилась рисовым салатом с неизвестными мне желтыми зернами и крылышком курицы, запеченной целиком и не вызывающей сомнений. Игнорируя робкие протесты, Эриус высыпал мне на тарелку полную ложку «глаз», расхваливая их с таким энтузиазмом, словно сам выколупывал. Застучали тарелки, зазвенели вилки – это, глядя на меня, приступили к еде вампиры. Лён, я заметила, тоже выбрал рисовый салат – и он был весьма недурен, а у зерен оказался восхитительно пикантный, сладковатый привкус. Скушав крылышко, я ощутила прилив аппетита – после скудного завтрака у меня крошки во рту не было. Но глаза... Это выше моих сил. Я робко кольнула один шарик вилкой. Выступил прозрачный желтоватый сок. Гадость какая... Сосед уплетал «глаза» со зловещим хрустом, время от времени промакивая губы салфеткой. Что же это, интересно, такое? Я приложила вилку ребром и с оттяжкой повела на себя. Шарик лопнул, и капли сока осели на стенке высокой салатницы и лбу соседа напротив. Стремясь замять конфуз, я быстренько сунула половинку «глаза» в рот и заработала челюстями, почти не чувствуя вкуса. Но когда почувствовала...

Лучше бы это был глаз.

Это была мелкокочанная капуста в хрустящем тесте. Третьего дня я как раз отравилась капустой в низкопробной забегаловке, и теперь при одном воспоминании о ней меня мучило. А тут – во рту... Я благовоспитанно промокнула губы салфеткой, незаметно сплюнула в нее дивное кушанье и, скомкав, бросила в специальную урну под столом.

– Можно попросить у вас стакан воды? – отодвинув тарелку, поинтересовалась я.

Сосед охотно потянулся за хрустальным графином, и в стакан широкой струей хлынуло нечто красное, густое, явно артериального происхождения.

– Сп... спасибо, – с трудом выдавила я, заглядывая в бокал. Это еще что за холера? Она не свернется часом? Я чуть подалась вперед и заметила на губах Повелителя легкую улыбку. Лён ободряюще подмигнул мне и отвел глаза. Я робко отхлебнула из стакана. Ни на что не похоже, какой-то сок вроде рассола, только красный. Искренне надеюсь, что гемоглобиновое послевкусие мне просто померещилось. Я снова повернулась к Лёну, но его загородил нависший над столом вампир, неспешно ковыряющийся вилкой в блюде дымящихся отбивных.

Тем временем на столе появилась оплетенная бутылка с выступающим горлышком темного стекла, заткнутая широкой пробкой. Я машинально поискала глазами штопор, но тут один из вампиров вонзил в пробку два длинных, слегка загнутых внутрь белых клыка в верхней

челюсти, как нож в масло. Затруднения возникли с высвобождением деревяшки, но и тут вампир управился с равнодушием профессионала, с младенчества прикладывающегося как к девичьему горлу, так и к стеклянному горлышку. Возле столовых приборов стояли хрупкие пузатые бокалы на высоких ножках, и бутылка мелодично забулькала, расставаясь с содержимым. Меня оделили в первую очередь, а затем наполняли бокалы по кругу, начав с противоположного конца стола, где сидели Повелитель и Старейшины.

Бокал отбрасывал на скатерть рубиновую тень. Лён поднял его в ладонях, как бутон чайной розы.

– За ваше здоровье, Вольха. Пусть оно будет таким же крепким, как ваше самообладание.

За мое здоровье вампиры выпили с поразительным энтузиазмом. Вино оказалось густым, терпковато-сладким, с привкусом вишневых листьев и черной смородины. И крови.

Старейшины метали на Лёна гневные взгляды. Краткость тоста граничила с грубостью, а толковать его можно было по-разному. Мне лично послышался завуалированный упрек. Упрек справедливый. Хватит думать о кровопийстве, долой вегетарианство!

– Эриус, не могли бы вы положить мне кусочек во-он той очаровательной ветчины? И еще салата, пожалуйста.

– Вольха, я понимаю, вопрос нескромный... Но сколько вам лет? – поинтересовался голубоглазый Старейшина.

– Э-э-э... Двадцать. – Я не солгала. Я просто округлила.

Кто-то надрывно закашлялся, подавившись моим откровением.

– А что? – невозмутимо поинтересовалась я, заедая салат корочкой хлеба.

– Вы еще очень молоды, – осторожно сказал Старейшина.

– Ну, постареть я всегда успею.

Это была шутка, но, видимо, плохая, потому что эпидемия кашля вспыхнула сразу в трех местах.

– Да, конечно, – пробормотал Старейшина, многозначительно переглядываясь с коллегами по Совету.

– Для магички главное не возраст, а врожденные способности, – гордо объявила я, отпивая немного гемоглобиновой настойки.

– Ну, вряд ли они вам здесь потребуются.

– Это как понимать? А упырь?

– Какой упырь? – наигранно удивился Старейшина.

– А вот это я и хочу выяснить.

– Не понимаю, о чем вы говорите. – Старейшина, опустив глаза, скрипел ножом по тарелке, расчлняя отбивную. Я уставилась на него, как на воскресшего покойника с засевшим во лбу топором, уверяющего меня в своем прекрасном самочувствии. Искрошив отбивную вдоль и поперек, Старейшина не остановился на достигнутом и продолжал ритмично пиликать ножом, размазывая волокна по тарелке.

– Я говорю о монстре, который прикончил ведьмину дюжину народа в прошлом месяце, – неумолимо отчеканила я.

– Ах, об этом монстре? – осенило Старейшину. – Не стоит беспокоиться из-за такого пустяка. Вы – наша почетная гостья, и мы не собираемся перекладывать на ваши плечи сугубо внутренние проблемы. Отдыхайте. Развлекайтесь. Устройте себе внеочередные каникулы.

– Какие еще каникулы? Я на задании.

– На каком задании? – напряглись-насторожились Старейшины.

– Не понимаю, о чем вы говорите. – Я лукаво затрепыхала ресницами.

– Но вы же сказали...

– Что я сказала?

– Вы упомянули о задании, – терпеливо напомнил синеглазый.

– О каком задании? – живо заинтересовалась я.

– Зачем вы приехали в Догеву? – не выдержал Старейшина.

– Ну вот, наконец-то вопрос по делу, – наиграно обрадовалась я. – А то мне уже надоело чувствовать себя наивной провинциалкой на крючке у профессиональных шулеров с краплеными картами.

«Шулеры» заулыбались, криво и натянуто. Если бы мы действительно играли в карты, пойманные за руку мошенники без шума вернули бы мне деньги или вытащили ножи. Догевские прохиндеи продолжили игру как ни в чем не бывало.

– Да что вы, никто не пытается с вами играть. Мы просто хотим вам помочь, и нам это удастся гораздо лучше, если мы будем знать, какого рода помощь от нас требуется.

– Правда? – Я иронично вздернула правую бровь. – А мне казалось, в помощи нуждаетесь как раз-таки вы.

Старейшины наперебой стали уверять, что не нуждаются в моей бесценной помощи. Лён молчал, изучая свою тарелку и изредка тыкая в нее вилкой. Выглядело это так, словно в салате копошились тараканы.

– Зачем же вы тогда обращались в Ковен Магов? – бесцеремонно перебила я. – Как говорит в таких случаях городская стража, «предъявите преступный элемент или платите за ложный вызов»!

Пойманный на слове, синеглазый осекся и кинул беспомощный взгляд на коллег по Совету. Бедолага напоминал охотничью лайку, засланную в берлогу к спящему медведю и обнаружившую, что медведь не спит. Несчастный песик не знал, что ему делать дальше, а коллеги в нерешительности толпились у норы, оглядываясь на охотника, всецело поглощенного салатом. Как-то странно Лён себя вел, отдавая Старейшинам ведущую партию в переговорах. Женская интуиция сродни телепатии, и я не ошиблась, придя к выводу, что Старейшина чувствует себя так же непривычно в шкуре дипломата, как баран – в роли пастуха. Похоже, что из-за меня Лён рассорился с Советом и теперь злорадствует, со стороны наблюдая за советниками, тонущими в болоте лжи и недоговорок.

Старейшина сделал еще одну попытку прояснить безнадежно замутненную ситуацию:

– Со времени последнего нападения прошло две недели, а раньше монстр появлялся каждые два-три дня. Мы считаем, что он больше не представляет опасности для жителей Догевы.

Более дурацкого аргумента мне еще никто не приводил. Они что, поклоняются этой твари? Знала я одну дремучую деревеньку, жители которой ежемесячно приносили жертвы бурому дракону, проживающему по соседству и якобы способствующему плодородию и плодовитости. Но никакая плодовитость не могла компенсировать убыль съеденного населения, и деревня опустела за считанные годы, после чего дракон сделал слабую попытку повысить плодовитость Стармина, но там в его помощи не нуждались и обстреляли благодетеля из баллист и катапульт. При вскрытии в брюхе чешуйчатого гада обнаружили целый склад цепей и кандалов, сковывавших жертв непосредственно в момент поедания, что красноречиво свидетельствовало об их решительном несогласии с политикой деревни. Неудобоваримый инвентарь был передан на нужды тюрьмы и очень пригодился – сталь, закаленную желудочным соком дракона, не брали даже алмазные напильники.

– А Лён сказал, что представляет, – настаивала я.

Фамильярная ссылка на Повелителя Догевы их добила. Я слизнула соленую капельку с нижней губы. Вот вам и кровавой привкус. Испереживавшись в ожидании укуса, я искусила сама себя!

Поверженные Старейшины еще пытались робко возражать: дескать, Лён преувеличивает, что свойственно молодости (сами они выглядели на тридцать – тридцать пять лет), а вообще все в порядке, все уляжется само собой («В гроб», – ехидно добавила я, чуть опьянев и несколько раскрепостившись), не правда ли, Повелитель?

Лён неопределенно пожал плечами, чем окончательно убедил меня в том, что дело нечисто.

Из вежливости допив бокал и доев отбивную, я откланялась. Меня не удерживали – нам всем было о чем подумать, а если мысли на одну тему, но с разных точек зрения, то думать лучше по отдельности.

Конечно, мне помогли подняться, довели до двери, рассыпались в комплиментах, пожелали спокойной ночи, доброго здоровья и прочей ерунды. Эриус вызвался меня проводить, я отказалась и по пути чуть не снесла лбом ель на повороте тропинки. Конечно, я ушла не сразу – постояла, подслушивая, у двери, но вампиры погасили свечи и перешли на драматический шепот, и до меня доносились только шипящие и свистящие звуки. Пришлось идти домой, нащупывая руками ели, благо тучи разошлись и месяц выглянул. Темный лес, прыгающие тени и скрипящие ветки меня не пугали – я их просто не замечала, погруженная в свои нелегкие думы. Да и вообще, чего можно бояться в городе вампиров?

Вот только что за комедию они передо мной ломали?

Кажется, я нашла ответ, или что-то на него похожее.

Они боялись меня больше, чем монстра. Панически боялись, ожидая какой-то каверзы с моей стороны, и я их не разочаровала, вот только сама не понимаю, когда и почему. Каждый раз, когда я собиралась что-нибудь сказать или спросить, они цепенели, как мыши перед гадюкой. Все, кроме Повелителя. Раз уж я внушаю Старейшинам такую антипатию, то почему они не спланировали меня Лёну? Пусть бы он меня потчевал, а не этот лощеный Хариус, то бишь Эриус. Тогда волей-неволей ему бы пришлось более активно участвовать в беседе. Но мне достался дальний угол стола. Вряд ли меня хотели унижить. И вряд ли догевский этикет запрещает чужеземкам сидеть во главе стола. Ладно, пойдем от противного. Допустим, я сижу рядом с Лёном. Кому я могу помешать? И вообще, что такого нежелательного можно выкинуть, сидя рядом с Повелителем?

Убить его.

Неужели они решили, что я приехала в Догеву в качестве наемного убийцы? Кто распорядился снарядить меня осиновым колом? Что же такое было в письме Учителя? И почему Лён так важен для Догевы? Почему Повелителем называют светловолосого парня, целыми днями шляющегося неизвестно где? По его словам, тварь – настоящий бич Догевы, по словам Старейшин, – она безобидней овечки. А злокозненный Серый Волк – как раз-таки я. И тем не менее Лён вроде бы на моей стороне. Иначе вмешался бы. Короче, одни «бы» и «почему», а «потому» окутано мраком тайны.

Размышляя, я не заметила, как добралась до своего домика. У крыльца дремал серый пес с рваным ухом. Увидев меня, он поднял голову, но ничего не предпринял. Как только я перешагнула порог и потянула дверь на себя, чья-то легкая тень скользнула между деревьями и растворилась в ночи. Я могла поклясться, что это мой подбитый проводник.

За мной следили.

Глава 6

Крина спала. Я сбросила туфли у порога, на цыпочках прокралась в комнату, притворила дверь и зажгла свечи.

Уходя, я оставила окно нараспашку, и теперь на потолочной балке вниз головой висела крупная летучая мышь – упитанная, волосатая и отвратительная, с прозрачным листовидным носом и острыми зубками. Она встретила меня очень неприязненно, завозилась и защебетала, хлопая кожистыми крыльями.

Я вежливо поприветствовала мышь и с нетерпением стала ожидать, когда же она превратится в человека, вернее, вампира. Но мышь не торопилась – видимо, стеснялась. Умостившись

поудобней, она запахнулась в крылья и мрачно оглядела меня с ног до головы. В ее взгляде было столько презрения и гордости, что короли, вычеканенные на монетах, ей и в подметки не годились.

Я давно мечтала посмотреть на двустороннюю трансформацию, позволяющую вампирам принимать облик летучей мыши и возвращать свой. Она интересовала меня исключительно с научной точки зрения – я допускала, что с некоторыми отходами из вампира можно сделать мышь, но как сделать из мыши вампира? Легче, по-моему, из мухи – слона. И куда девается одежда? Еще никто и никогда не видел голого вампира – целомудренный кровопивец неизменно драпирует свои тела черным плащом на красной подкладке.

Тем временем крылатый посланец напрочь забыл о возложенной на него миссии, зевнул, пошлепал губами и закрыл глаза, смирившись с моим присутствием в интерьере. Я деликатно кашлянула. Мышь взбодрилась, прожгла меня убийственным взглядом и неохотно, словно оказывая мне одолжение, нагадила на пол. Вряд ли посол мог позволить себе подобную выходку. Я схватила полотенце, скомкала и швырнула в мышь, та сорвалась с балки и, хлопая крыльями, заметалась по комнате в поисках выхода. Я подобрала полотенце и устрашающе завертела им над головой, оттесняя мышь к окну, через которое она и удалилась после короткой схватки, визгливо проклиная всю мою родню до пятого колена.

Прикрыв окно, я торопливо разделась и шмыгнула под одеяло. В селянских хибарах с глиняными полами белье отсыревает за несколько часов, а спертый воздух к утру давит на грудь, как надгробная плита. Вампиры, живущие в тех же условиях, нашли какой-то способ борьбы с этой мерзостью. Чистая, свежая простыня томно захрустела под моим бранным телом. От нее пахло жасмином. Да и то – у селян-людей в избе и куры, и свиньи, и козлята под утро выстукивают чечетку по лавкам, а здесь комнатки меньше, но – во сто крат чище и уютней. Вот только не хватает кошачьего мурлыканья под боком. Да и нет кошек в Догеве.

Что мне еще очень понравилось – это полное отсутствие незваных квартирантов, вроде блох, мышей, клопов и тараканов. Нигде ничего не скреблось, не пищало и не кусалось, и не было нужды ставить ножки кровати в тазики с водой. Несмотря на непривычную обстановку, обилие впечатлений и долгий путь убаюкали меня в считанные минуты. Я уже задремывала, когда один из четвероногих обитателей Догевы решил возместить мне потерю кошачьего мурлыканья, и разразился тоскливым протяжным воем, от которого я разом покрылась пупырышками, как тепличный огурец. Пес старательно выводил гулкие рулады, подражая ветру, запутавшемуся в горлышке пивной бутылки. Я тешила себя надеждой, что, исполнив соло, он замолчит, но его собратья посчитали своим прямым долгом подхватить затихающую ноту, ввести элемент разноголосья и усладить мой слух хоровым напевом. Чем дольше я слушала, тем подозрительнее мне казался их профессионализм. Они ни разу не сорвались на дискантах, не оборвали пианиссимо, не разразились вульгарным лаем. Они пели. Выразительно. Артистично. Как могут петь только чистокровные волки. Я вспомнила молчаливых псов, нехотя уступающих Ромашке дорогу, вспомнила их тоскливые желтые глаза, серую с подпалинами шкуру и накрылась одеялом с головой. Я люблю волков. Меня завораживает их вой. Но слышать его под открытым окном – испытание не для слабонервных. Впрочем, господа волки лучше знали, кого им кушать, а кого убаюкивать. Они вкладывали в пение всю душу, и моя собственная душа, осмелев, выбралась из пяток и расползлась по всему телу, как ей и положено.

* * *

Они думали, что я сплю, и тихо разговаривали во дворе под яблоней. Серый рассвет дышал в окна туманом. Я представила себе мышку. Маленькую серую мышку, которую заметила вчера возле поленницы. Мышка проснулась. Вылезла из норки и, семеня лапками, пере-

секла двор. Холодные капли росы блестели на травинках, как волчьи слезы. Светлая шерсть на брюхе промокла и слиплась, мышка села столбиком, свесив розовые лапки, и прислушалась. Я слушала вместе с ней.

– Они издеваются над нами, Лён. Люди всегда ненавидели нас.

– Только не маги.

– Маги тоже люди.

– Не повышай голос. Разбудишь.

– Кого они прислали нам в помощь? Сначала Магистра теоретической магии. Нам нужен был практик, молодой и сильный, а приехал благообразный старец в очках. Что он мог сделать, если эта гадина до него сожрала трех практиков и не поперхнулась?

– Он сам решил остаться.

– Мы должны были его переубедить. Теперь эта девчонка! Она даже не Магистр. Адептка... Неспелое яблочко. Производственный брак. И они решили ее отсеять таким вот образом...

– Ее рекомендовал мой старый друг.

– Если она погибнет, у тебя не останется друзей среди людей, Лён. Отошли ее домой как можно скорее. Ты что, не понимаешь? Они уничтожат нас. Сотрут Догеву с лица земли.

– Пусть лучше это сделает гадина?

– Если она не оставит Догеву в покое, мы всегда сможем перебраться в Арлис или Леск. Люди же достанут нас повсюду. Ни одна из двенадцати Долин не устоит перед ордой вооруженных фанатиков. Речь идет даже не о войне. На войне берут пленных и шадят детей. А мы не нужны людям даже в качестве рабов. Грядет повальная резня, Лён. Предотврати ее, пока не поздно.

Лён долго молчал. Мышь опустила на все четыре лапки и принялась.

– Хорошо. Сегодня она уедет.

– Надеюсь.

Я отключилась, позволив мышке вернуться в норку. Как всегда, ничего хорошего я о себе не услышала. «Неспелое яблочко». А я, может, из ранних сортов! А что с кислинкой, так даже к лучшему – авось гадина загнется от желудочных колик. Вот незадача! Старейшинам удалось-таки перетянуть Лёна на свою сторону. Но, по крайней мере, я убедилась, что монстр действительно существует, как и все приписываемые ему злодеяния.

Если только этот спектакль не был разыгран в мою честь.

Глава 7

Наверное, я снова заснула, потому что комнатка успела пропитаться сдобным блинным духом, способным поднять мертвеца из гроба. Я сонно выпростала руку из-под одеяла, шелкнула пальцами, и мои одежды стаей неряшливых пичуг взвились со стула, перелетели комнату и осыпались на постель. Натягивая рубашку, я вспоминала подслушанный разговор. Интересно, дождутся ли они вечера или выставят меня из Догевы сразу после обеда?

На кухне меня поджидала раздумавшаяся Крина, домывавшая кастрюлю из-под теста. Охотно поддержав разговор о хорошей погоде и отведав блинчиков со сметаной, я с трудом поднялась со скамьи, подавила сытую отрыжку, вежливо поблагодарила хозяйку и вышла во двор.

Ромашка, оседланная и недовольная, стояла у крыльца, сдерживаемая под уздцы худощавым подростком лет тринадцати. Он начал издали. Я признала, что спала хорошо, кушала еще лучше и вообще все мне тут у них нравится. Паренек расплылся в щербатой улыбке и пообещал, что когда я приеду к ним в следующий раз, то тоже не разочаруюсь. Я по секрету призналась ему, что намереваюсь остаться в Догеве на веки вечные и даже выбрала место, где меня похоронят – вон под той осинкой.

Они зря подослали ко мне мальчишку с такой выразительной мимикой. Он последовательно изобразил удивление, страх и замешательство, а потом робко сказал, что я должна уехать добровольно, иначе ему придется меня... уговорить.

Я была так сыта и добра, что не стала превращать ни в чем не повинное дитя в жабу, а просто метнула из глаз пару простеньких, но очень эффектных молний, после чего ехидно предложила уговорить меня силой.

Парень благоразумно дал деру. Я гладила Ромашку, с трепетом ожидая продолжения.

Вскоре пред моими светлыми очами предстал Совет Старейшин в полном составе в количестве трех штук и в три голоса намекнул, что, мол, пора бы и честь знать. Но я уперлась, как целомудренная монашка, которой домогаются три сластолюбца. Нет, я не уеду из Догева. А если они попытаются вытолкать меня силой, то им придется сначала выкопать осину (ту самую, что я облюбовала в качестве надгробья), потому что я за нее уцеплюсь руками и ногами и буду вопить. Чтобы они не сомневались в серьезности моих намерений, я покрепче обхватила осину, откашлялась и негромко (на пробу), музыкально прокричала длинное «А!».

Ненормальных адептов Догева еще не видывала, и ранние прохожие возжелали поближе изучить сей дивный феномен. Но я решила, что хорошенького понемножку, выпустила осину и сделала вид, что ушибла ногу, подкрепив вопль соответствующими выражениями.

Явился Повелитель, хотя именно ему следовало бы начать весь этот спектакль. Он выглядел так внушительно, что я, признаюсь, струхнула. На тщательно причесанных волосах сиял золотой обруч с крупным ромбическим изумрудом, потрепанную одежду сменила светлая хламида, чем-то напоминавшая парадную мантию Учителя и развевавшаяся, казалось, без помощи ветра.

– Ты взрослая, умная женщина! – патетически начал Лён явно в угоду Старейшинам, умиленно внимающим ему поодаль.

(«Ни то, ни другое, ни третье», – подумала я.)

– Ты должна понимать, какую опасность навлекаешь на свою и наши головы, оставаясь в Догеве. Люди ополчились против вампиров. Если ты не вернешься в Школу целой и невредимой...

– Эту песню я уже слышала, – пренебрежительно оборвала я и, присев на корточки, с неподдельным интересом пощупала краешек самодвижущейся хламиды. Под ней, к моему восторгу, оказались давешние вытертые штаны. Лён торопливо одернул подол, украдкой показывая мне кулак.

– Тогда уезжай.

– Уеду. Когда захочу.

– А почему бы тебе не захотеть прямо сейчас? – вкрадчиво предложил Повелитель.

– С какой это радости? Мне здесь нравится – кормят как на убой, оптимистичные сказки на ночь рассказывают, представления по утрам разыгрывают. – Я выпрямилась и в упор посмотрела Лёну в глаза.

Вампир только вздохнул:

– Вольха, так будет лучше. Не думай, что мы выгоняем тебя по злобе. Но нам очень важно, чтобы люди узнали правду о Догеве. Мы... достойно отблагодарим тебя за помощь. – Лён выразительно посмотрел на меня.

– На данный момент правда выглядит следующим образом, – неподкупным ревизорским тоном отчеканила я. – Никакой твари не существует. А что случилось с пропавшими магами, вампиры тщательно скрывают и даже выгоняют меня из Догева, чтобы я не успела ни до чего докопаться.

– Ты этого не скажешь! – возмутился он.

– Скажу.

– Не посмеешь!

– Посмотрим!

Будь я глыбой льда, я бы растаяла под его взглядом. А потом он резко отвернулся и ушел не оглядываясь. С полного неодобрения внешних и внутренних властей Догева поступила в мое полное распоряжение.

День только начинался. Что ж, попробуем провести его как можно плодотворней!

* * *

Итак, раз уж я сунула голову в пасть к вампиру, что мешает мне пересчитать ему зубы? То бишь, лишённая возможности послужить на благо общества, займусь-ка я самообразованием. И пока меня никто не трогает собираю материал для курсовой.

Начала я с прописных истин. Тюдоровские «Кровопийцы» послужили мне практическим руководством. Я добросовестно изучила их от корки до корки, подчеркнула наиболее категоричные абзацы и отправилась их опровергать.

Первым и главным из домашних средств защиты от вампиров в книге значился чеснок. Я внимательнейшим образом проштудировала главу, но не нашла ссылок на качество чеснока. Зимний он должен быть или летний? Выросший из зубка или «детки»? Годятся ли для обороны зеленые перья, а также неспелые розоватые головки и соцветия? Для чистоты опыта я выбрала классическую, увесистую, сочную прошлогоднюю чесночину с подпаленными корнями. Оставалось вычислить степень эффективности и радиус действия, чем я и занялась, избрав в качестве подопытного вампира свою домохозяйку. Заглянув в окно со двора, я увидела ее возле печки, в окружении дымящихся чугунков и шинкованных овощей. Крина подняла голову и дружелюбно улыбнулась, что было воспринято мною как сигнал к действию. Положив головку в левый карман куртки, я молча прошествовала мимо Крины, целеустремленно глядя мимо нее на гребень, лежащий у зеркала.

Никакого эффекта. Причесавшись для отвода глаз, я усложнила опыт, переложив чеснок в руку. Очевидно, я неправильно его держала, потому что он опять не подействовал. Во дворе я внимательно оглядела целебный корнеплод. Снаружи у него не было никаких изъянов, вероятно, что-то испортилось внутри. Я выбрала самый подозрительный зубок, расплющила каблуком и изучила плачевный результат. М-да, более качественного чеснока я в жизни не встречала. Быть может, на вампиров действует именно давленный чеснок? Принеся себя в жертву науке, я тщательно разжевала один зубок, после чего у меня возникло страшное подозрение, что единственный вампир в Догеве – это я. Благоухая чесноком и стараясь не вдыхать выдыхаемое, я подошла к Крине и, невинно глядя ей в глаза, спросила, не нуждается ли подопытная домохозяйка в моей посильной помощи.

Она нуждалась, да еще как. Соус к мясу по-догевски уже кипел, а чеснок для него забыли почистить, и теперь Крина разрывалась между печью и разделочной доской, усыпанной зубками.

Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Не без труда избавившись от чесночного привкуса во рту, я перешла ко второй серии опытов. На сей раз я ударилась в оптику. Отражаются ли вампиры в зеркалах? В комнате на створке шкафа висело зеркало средних размеров, оправленное в деревянную рамку, но я не видела, чтобы Крина в него смотрелась. Возможно, зеркало повесили специально к моему приезду. Я сняла его с гвоздя. На створке остался темный невыгоревший круг. Значит, давненько оно здесь обретается. Но для каких целей? Подкрашивать невидимые губы? Выщипывать невидимые брови? Я села спиной к кухне и поставила зеркало на колени. Большую часть сверкающего овала занимала моя унылая физиономия со следами разгульного образа жизни. Я переместила зеркало повыше, одновременно отклоняясь в сторону, и в зеркале появился угол печи. После долгих усилий, едва не вывихнув шею и руку, я охватила наблюдением всю кухню. Чеснок лежал на столе. Заслонка печи была ото-

двинута, из полукруглого устья шел белый сладковатый дым. У меня засосало под ложечкой. Крина действительно не отражалась в зеркале. Не оборачиваясь, я слышала, как она возится на кухне, шурша платьем и негромко напевая ритмичную песенку. Мне стало как-то не по себе (это очень жутко – находиться в одной комнате с невидимкой), и я украдкой оглянулась через плечо. Увиденное повергло меня в ужас. Кухня была пуста, а пение и шорохи не стихали ни на минуту. Я застыла в обнимку с зеркалом, как василиск, узревший свое отражение.

Доведя меня до предынфарктного состояния, хозяйка вышла из-за печи со сковородой наперевес. Я пытливым взглядом заглянула в темные глубины зеркала. Еще один великолепный миф был развешен.

С улицы донесся восторженный ребячий визг, женская брань – очень выразительная, и сразу несколько голосов, взрослых и детских, на разные лады прокричали мое имя. Бросив зеркало на кровать, я через окно выскочила во двор.

Моя бесценная, привередливая кобылка с аппетитом жевала какую-то тряпку, не обращая ни малейшего внимания на растрепанную женщину, с руганью оспаривавшую свое право на эту чем-то дорогую ее сердцу вещь. По отдельным репликам-выкрикам я догадалась, что еще пять минут назад тряпка была парадным фартуком и, выстиранная, висела на веревке возле соседского дома. Ума не приложу, как Ромашка на него польстилась. До сих пор я не замечала за ней пылкой страсти к стираному белью. Бывшая владелица фартука заметила меня и перенесла свой праведный гнев с лошадиной головы на человеческую. Да, я плохо привязала лошадь. Да, я ее не кормила с утра. Но зачем же так ругаться?!

Увидев меня, Ромашка выплюнула фартук с таким видом, словно затеяла весь этот спектакль исключительно мне в назидание. Соседка изучила плачевный результат, швырнула фартук мне в лицо, и, не стесняясь в выражениях, сообщила, сколь невосполнимый ущерб она понесла из-за моего головотяпства. Я погладила фартук ладонью, шепча формулу, и вернула его хозяйке целым и невредимым, но для нее смириться с потерей ущерба было труднее, чем с самим ущербом. Однако, как говорится, мир не без добрых вампиров: на мою защиту встали соседи, наблюдавшие за разворотом событий. Скандалистка подобрала фартук и, все еще ворча, удалилась.

– Не обращай на нее внимания, детка, – посоветовала подошедшая Крина. – Она полукровка. Наполовину вампир, наполовину тролль. Ты же знаешь, какие они сварливые.

Да, больших охальников, чем тролли, не сыщешь. С ними могут тягаться разве что рыночные торговки из человеческого племени. И, тем не менее, тролли считаются куда менее опасными существами, чем вампиры, и по Школе тайком, под партами, из рук в руки, ходит «Краткий сборник ругательств, используемых троллями». Так вот, в том «Кратком» ругательств больше, чем в человеческом «Полном». Есть и такой. Читала. Потому как судьба часто заносит практикующих магов в такие места, обитателей которых без этих двух справочников и не поймешь...

– Отвела бы ты ее в табун, деточка, – сочувственно сказала Крина, глядя на мое огорченное лицо. – Лошадям в центре города не место.

– А где это?

– Пятая тропа на северном кресте.

Я поподробнее расспросила Крину насчет табуна. Лошади, оказывается, пасутся за пределами города, за ними следит пожилой табунщик с помощниками, и, если кому-нибудь срочно требуется лошадь, идут к нему. Впрочем, лошади городскими жителями практически не используются. Так, съездить к родственникам в деревню, перевезти что-нибудь тяжелое и тому подобное. В пределах города вампиры перемещаются пешком.

– А просто так, для души, никто не заводит лошадей?

– Заводят, конечно, и для души, и для тренировок, только это опять к табунщику. Практическим коневодством занимаются в сельском секторе – это ближе к границе. Оттуда же на лошадях доставляют продукты.

Я поблагодарила Крину, оседлала Ромашку и тряхнула поводьями, демонстративно игнорируя полутроллиху, спешившую к фонтану с двумя ведрами на расписном коромысле.

Глава 8

Сначала я заметила табун, а уж потом Ромашка чуть не раздавила копытом крутое куриное яйцо, лежавшее на салфетке вместе с луковым пером, хлебом и тряпицей с солью. Всем этим как раз собирался подзакусить табунщик, расположившийся на обед в куще высокого гривастого ковыля. Я спешила и вежливо осведомилась, не нанесен ли яйцу непоправимый ущерб, на что табунщик расхохотался добродушным баском и объявил, что его яйца в порядке и поступают в мое полное распоряжение. Я смутилась, он развеселился еще больше. Я знала этот тип стареющих мужчин; для них самое большое удовольствие – вогнать в краску молоденькую девицу. Табунщик, как и все вампиры, был возмутительно молод, и его слова можно было бы принять за чистую монету, но я уже привыкла определять возраст догевцев по глазам, умным и наоборот. У табунщика были очень умные глаза. Я присела, взяла яйцо и тюкнула тупым концом о торчащий из травы камень.

– Вольха, правильно? – неспешно осведомился табунщик, обмакивая в соль четвертушку луковицы.

– Угу... – Я осторожно укусила яйцо. К моему облегчению, оно было без «соплей», сварено «в мешочек». – А вы?

– Рен. Просто Рен. Лошадку привела?

Я снизу вверх оглядела Ромашку.

– Да, как ни странно, это действительно лошадка. А я почему-то думала, что ослица.

Ромашка неодобрительно фыркнула и потянулась к разложенным на салфетке ломтям хлеба. Я сорвала длинную травинку с тяжелым колоском на конце и вытянула Ромашку поперек храпа. Лошадь, чихнув, отступила.

– Нельзя ли оставить ее на ваше попечение? Она у меня мошенница жуткая. Никогда не знаешь, что ей взбредет в голову. Вон фартук с утра сжевала...

– С характером, в хозяйку, – беззлобно пошутил табунщик. – Расседывай, чего уж там. Пусть пасется вместе с табуном.

– А если она мне понадобится? Она ведь такая, захочет – дастся в руки, а не захочет – махнет хвостом, и ищи ее в чистом поле.

– Поймаем, – успокоил меня Рен. – Лошадки у нас спокойные, может, перевоспитают твою капризницу.

Табун как раз заметил новенькую. Кобылицы демонстративно фыркали, жеребцы заинтересованно рыли землю копытами. Их было штук пятьдесят – рослых, поджарых, ухоженных лошадей неизвестной мне породы: длинноногие, изящные, под блестящей шкурой комьями перекачиваются мышцы. Большинство – темно-рыжие, ровного окраса, пятнистых нет ни одной, но попадаются и вороные, и светлые.

Ромашка напряглась, вздернула хвост и тоненько, жалобно заржала.

Из табуна выделился снежно-белый, широкогрудый и массивный жеребец. Подозрительно оглядевшись по сторонам, конь зарысил к нам, высоко поднимая ноги. Я быстренько расседлала Ромашку, сняла узду. По лошадиной спине прокатилась волна дрожи. Жеребец остановился в сорока локтях, недоверчиво раздувая крапчато-розовые ноздри.

– Ну иди, что ты жеманишься? – Я шлепнула Ромашку по крупу.

Неодобрительно махнув хвостом, она перебрала тонкими ногами и застыла, трепеща ресницами, как девица на выданье. Жеребец призывно заржал. Кобыла опустила голову и разок-другой щипнула плешинку белого клевера. Кавалер набрался смелости, приблизился к Ромашке вплотную и, вытянув шею, коснулся ее уха шелковистой мордой. Звонкое, сердитое ржание всколыхнуло пряный луговой воздух. Табун раскололся узким коридором, по которому промчался здоровенный, злющий вороной жеребец и, не пригасив галопа, врезался белому в бок. Взметнувшись на дыбы, жеребцы сошлись в нешуточном поединке, кусаясь, лягаясь и яростно визжа. Ромашка воодушевленно внимала, изредка подбадривая драчунов мелодичным ржанием.

Рыцарский турнир проходил с переменным успехом, но белый неожиданно струсил и, оставив в зубах у вороного клочок гривы, пустился наутек.

Победитель зарысил было вдогонку, но дезертир улепетывал, как заяц, и вороной малопомалу замедлил шаг. Постояв в раздумье, он презрительно заржал трусу вослед и вернулся к табуну, демонстративно игнорируя очаровательную причину конфликта. Сорвав еще пучок клевера, моя кокетливая кобылка неспешно побрела вослед за вороным. Жеребец замедлил шаг, и вскоре они паслись бок о бок, переглядываясь, как заговорщики.

– Жалко, – со вздохом протянула я, отводя взгляд. – И чем ей белый не понравился? Такая бы красивая пара вышла...

– Видать, не в масти дело, – развел руками табунщик.

– А чей это жеребец?

– Вороной? Повелителя.

В голубом небе над нами парил коршун. Короткохвостый и самоуверенный, он скользил на распростертых крыльях по восходящему потоку воздуха. По траве бежала размытая серая тень. Табунщик, прикрыв глаза рукой, с умеренным интересом следил за птицей.

– А вы умеете... летать? – задала я давно мучивший меня вопрос.

Боги не обделили табунщика чувством юмора.

– Смотри откуда спрыгнуть.

Я попала на удочку:

– Ну, скажем, вон с той осины?

– Аршинов десять пролечу.

– По ветру или против?

– Поперек.

– Значит, все-таки не умеете? – не отставала я.

– Крошка, ну подумай – далеко на этом улетишь? – Рен распахнул крылья, и меня осенило тенью. По форме и размерам крылья напоминали две треугольные простыни, укрепленные на мачтах. Я робко ощупала эти приспособления. Да, на таком не летаешь. Кости вытянутые, сплюснутые, ненадежные. Самая толстая, плечевая – с основание большого пальца, конечные фаланги тонюсеньких, расходящихся веером косточек-жилок вообще хрящевые, прогибаются от самого легкого ветерка, кожа тоненькая, пигментированная до черноты. Вот вам еще одна загадка – зачем вампиру крылья, хлипкие и ненадежные сооружения, на которых нельзя даже планировать – порвутся, как бумажный зонтик?

Когда я налюбовалась крыльями, табунщик сложил их двумя компактными валиками на спине. Большинство вампиров носило крылья полуразвернутыми, и я даже не представляла, что в случае необходимости их можно так аккуратно упаковать. Набросить куртку, плащ – никто и не догадается, что перед ним вампир.

То-то мода на плащи не проходит...

Я поблагодарила и встала, отряхивая крошки со штанов.

Дорога к табуну заняла у моей лошадки около пятнадцати минут. Бежала она вроде бы трусцой, но не слишком резвой. Если Ромашка не в духе, она умудряется галопировать...

на одном месте, перебирая ногами, как белка в колесе. Как ей удается проделывать подобное, уму непостижимо. Случалось, меня обгоняли удивленные побирушки на костылях; и в то же время я искренне верила, что лошадка резво несется вскачь. Со временем я наловчилась выверять скорость по мельтешению обочин и провести меня было не так-то просто. Так вот, обратный путь не мог отнять больше получаса пешедралом. По пути к табуну я честно придерживалась тропы из опасения заблудиться, но дорожка оказалась на редкость извилистой, словно в незапамятные времена ее проложили два пьяных вампира (временами тропа раздваивалась). Парящему в небе коршуну она наверняка казалась зигзагообразной.

И я решила вытоптать новую тропу, срезая углы старой. Зря я это сделала... Примерно через час я уже ни на что не надеялась и окончательно пала духом, то есть пыталась определить север по бородам мха на поваленных стволах. Источником моих злключениям послужил «эффект черновика». Для новичков в теоретической магии поясню: «эффект черновика» – искажение плоскости пространства, скомканного, как исчерканный лист. Тропки на самом деле являлись как бы пересекающимися линиями сгибов, кратчайшими путями из одной точки в другую. А между ними находились «горбы» смятой реальности. Чтобы представить себе их масштаб, сравните гладкий лист тонкой гербовой бумаги локоть на локоть... и шарик величиной с лесной орех, до размеров которого этот лист можно скомкать. Свернув с тропы, я как бы расправила шарик и теперь могла находиться в любом углу листа... и блуждать по нему до полного одичания. Мрачная перспектива. Искажение пространства внешне никак не проявляется, но уж я-то, магичка, могла бы почувствовать изменения в течениях подземных энергетических линий. За все надо платить, за глупость тоже. Когда-нибудь кто-нибудь да найдет мой унылый скелет, проросший незабудками. Пока же приходилось влачить скелет в себе, и он казался чересчур тяжелым для усталых ног.

Я присела на пенек, и мне ужасно захотелось пирожка с повидлом. Я ничем не могла объяснить это странное желание, но оно все усиливалось. Вот тебе и Догева, вот тебе и пирожок с начинкой. Ее, наверное, быстрее обойти по периметру, чем насквозь, лесом. Кстати, именно незначительные размеры Догевы спасают вампиров от территориальных войн с людьми. «Не стоит связываться из-за пяти квадратных верст», – думают короли, обеспокоенные демографическим взрывом. А из-за пятидесяти? Пятисот? Да бог его знает скольких. Свернутое пространство непредсказуемо. Муравьи тоже. Пока я мечтала о пирожках, они коварно напали с тыла, поднялись по высоким сапогам, рассредоточились в разных частях моего тела и по сигналу кинулись в атаку. Стараясь не поддаваться панике, я торопливо стряхивала рыжих тварей, норовивших прогрызть меня насквозь. И угораздило же меня прикорнуть на муравьиной тропе, в пяти локтях от внушительной груди из игл и сухих листиков, неприятно переливающейся от копошения несметного воинства!

Догевский лес славился не только муравьями – мухоморы и волки в нем тоже не переводились. Второй появился среди первых как привидение. Невероятно, сказочно, снежно-белый зверь опирался передними лапами на поваленный замшелый ствол, наклонив лобастую голову и насторожив уши. Черный влажный нос с интересом принюхивался... ко мне. Меня немного успокаивали только две вещи – он был один и далеко. А еще я припомнила, что летом волки не нападают, и стала раздумывать, как бы потактичней ему об этом сообщить. Волк облизнулся, показав розовый здоровый язык. Для сытого он был слишком любопытен, да и на язвенника-вегетарианца тоже не походил. А других причин, препятствующих моему съедению, у него вроде бы не было. Мухоморы и поганки, как солонки и перечницы, красиво сервировали лужайку. Морда волка расплылась в довольной ухмылке, зверь вскочил на ствол. Здоровенная скотина, с теленка. Интересно, как в такой ситуации повела себя та девочка, с гобелена? Наверняка плохо кончила.

– Вы не подскажите, где здесь дорога? – громко спросила я, буравя волка взглядом. Тот сомкнул челюсти, удивленно клацнув зубами. – Вы вообще местный?

Волк на всякий случай вильнул хвостом.

– Вы не боитесь гулять в одиночестве? Тут, говорят, вампиры водятся.

Волк издал нечто вроде нервного «Грр-х-ха» и спрыгнул со ствола. Слава богу, по ту сторону. Встряхнулся, словно ввинчиваясь в поток воздуха – морда уже остановилась, а хвост только набирает обороты. У меня мелькнула мысль: а что, если передо мною пресловутый монстр? Волк укоризненно покосился в мою сторону. Правильно. Я бы на его месте тоже не признавалась. За спиной что-то хрустнуло, я вздрогнула и оглянулась, застав катящуюся по земле еловую шишку. Я торопливо повернулась обратно к волку, но того уже и дух простыл. Боязливо подкравшись к стволу, я разглядела четкие следы когтей на цветастом лишайнике.

Сразу за стволом начиналась дорога. Начиналась из ниоткуда, словно змея, хвост которой прищемило упавшее дерево. От волка осталось три отпечатка в пыли – либо он провалился сквозь землю, либо вознесся на небеса живьем.

Воздав хвалу как богам, так и мракобесам, я перелезла через ствол, пачкаясь в зеленой плесени. Выбора у меня не было – дорога вела на северо-восток, то есть не могла быть одним из лучей Креста. Как еще попасть в центр Догевы, я не знала. Оставалась слабая надежда на слияние дороги с Крестом или встречу с местным жителем, которая состоялась сразу за поворотом.

Незнакомка живо напомнила мне грача. Черный плащ, черный комбинезон – глухой, под горло, черные сапоги, черная сумка на длинной перекрученной лямке болтается на правом плече. И красота какая-то черная, зловещая: хрупкое бледное лицо, словно ее только что выпустили из склепа, заостренный нос, черные глаза, из-под капюшона выбиваются пышные черные локоны. Единственное яркое пятно – неестественно алые губы, которые девушка периодически покусывала. В общем, заурядная вампирка. Она стояла на четвереньках в метре от обочины и целеустремленно ковыряла твердую лесную землю заостренным железным совочком. Вряд ли грачеподобная красотка занималась поисками дождевых червяков. Нет, она рылась в земле с таким воодушевлением, словно откапывала клад или гроб. Пораскинув мозгами, я остановилась на отвергнутом варианте, ибо девушка, отбросив лопату, уже обеими руками тянула из земли нечто напоминающее червяка-переростка. Подергав с одной стороны, девушка обежала яму и возобновила свои титанические усилия. Червяк извивался, упирался и хлестал ее хвостом по лицу. Я решила вмешаться:

– Эй, помощь нужна?

– А ты как думаешь? – неожиданно свирепо рыкнула вампирка. – Подкапывай ее, быстрее, а то уйдет!

Приглядевшись, я узнала махровый корень червец-травы. Сжимаясь и пульсируя, он норовил проскользнуть между пальцами и скрыться под землей. Я начала торопливо отгребать землю от корня, одновременно ухватившись за него в помощь вампирке. Можно было и обрубить корень, но остаток все равно погибнет, а каждый его вершок ценится на вес золота, входя в состав множества зелий, отваров и декоктов. Червец-трава не так уж редка, да вот изловить ее знахарю не легче, чем пешему человеку – зайца. Одно-двухсаженное корневище оканчивается невзрачным побегом с зеленоватым цветочком на конце, который при малейшей опасности «ныряет» в землю и пережидает там смутные времена.

Вдвоем мы сумели осилить несговорчивую травку. Извлеченная из земли, она обмякла, как лисий хвост на воротнике у дородной купчихи.

– Спасибо, малышка, – небрежно обронила девушка, запихивая свернутый кольцом корень в холщовый мешочек, а мешочек – в черную сумку.

«Деточка», «крошка», «малышка» даже от коллеги-Травницы... С четырнадцати лет на «ты» меня называли только одноклассники и Учитель. А здесь все как сговорились. Словно мне не восемнадцать, а восемь лет. Или оценка идет в соответствии с интеллектом? Тогда мне, пожалуй, семь...

– Всегда к вашим услугам, бабушка, – язвительно сказала я.

Мы встретились глазами. Девушка недоуменно сдвинула брови:

– Как ты меня назвала?

– А ты?

Вампирка потерла лоб и вздохнула:

– Но... ах да, ты же человек. Тогда извините, девушка.

Излишняя официальность меня тоже коробила:

– «Ты» можешь оставить, как-никак коллеги.

– Что?

– Ну, я магичка, – беспечно пояснила я, не обращая внимания на вытянувшееся лицо собеседницы. – Не Травница, правда, но общее травоведение на «отлично» сдала.

Похоже, старминская высшая Школа не внушала доверия местным специалистам.

– Опять?! – Визгливо охнула девушка, роняя сумку.

– Что – опять?

– Он совсем спятил!

– Кто?!

– Мало ему проблем, теперь еще заклеят детоубийцей! – Вампирка осеклась, столкнувшись взглядом с кустом черемухи. Там, мне показалось, мелькнуло что-то белесое, но точно поручиться не могу, потому что черемуха отцветала и была белесой сама по себе.

– А, ну тогда ладно, – облегченно вздохнула девушка, постепенно успокаиваясь. – Я уж подумала, что ты одна.

– А кто второй?

– Может, сначала познакомимся? – увильнула от ответа. – Меня зовут Келла...

– Просто Келла, – окончила я за нее. – Мне, я думаю, представляться не надо. Хотя до сих пор не могу понять, почему.

– Телепочта. Она опередила тебя на два дня. Странно, что я не узнала тебя сразу.

– Неужели так трудно узнать в человеке – человека?

– В Догеве много людей, – возразила Келла. – Я не могу знать всех в лицо. И вообще, в наших лесах можно встретить кого угодно – те, кого вы называете «разумными расами», не чураются вампиров, в отличие от вас, людей.

При слове «людей» я сразу представила сырое подземелье, груды скелетов, пыльные склянки для крови, ржавые клетки и прочие атрибуты темницы, где содержат доноров. То, что люди согласятся жить в Догеве добровольно, мне просто в голову не приходило.

– А почему тогда я никого из них не видела? – с опаской спросила я, ожидая чего-то вроде «Сейчас увидишь!», и что меня потащат и запрут вместе с остальными в антисанитарных условиях склепа.

Келла заметно смутилась и не только никуда меня не потащила, но, кажется, сама захотела убраться подобру-поздорову.

– Они... э-э-э... В городе их уже нет. А вот ближе к границе...

Она окончательно смешалась и замолчала. Я подумала, что если какие-то люди и живут в Догеве, то только потому, что в человеческие города их не пускают – стражники у ворот более-менее придерживаются четких указаний на этот счет: «Побирушек и юродивых гнать в три шеи».

Я прогулялась до куста черемухи. Так я и знала!

– Здесь был волк, – непререкаемым тоном заявила я, растирая между пальцами кусочек влажной глины, выколупанный из глубокого следа.

– Кто? – насторожилась Травница.

– Волк, волк. Белый такой, морда смазливая, – уточнила я. – Ваш знакомый?

Травница пошла лишаистыми пятнами.

– Н-нет.

– А к-кто т-тогда? – Я не хотела ее дразнить, чисто машинально подладившись к собеседнице.

– Не твоего ума дело, – грубо отрезала Келла, вскидывая ляжку сумки на плечо.

– Не уходите от ответа!

– Я вообще ухожу.

С этими словами она сделала шаг в сторону и исчезла, растворившись в воздухе. Кажется, я ей не понравилась. Когда тебя засасывает смятая реальность, ты этого не замечаешь, а вот психическое здоровье окружающих может серьезно пострадать. Я поэкспериментировала, по локоть запуская руку в разрыв пространства и любясь ровненькой культурой. Игра в «эффект черновика» окончилась крепким рукопожатием. Я взвизгнула и выдернула руку – ее не удерживали, но выпустили с неохотой. На ощупь мой рукоприкладчик никак не мог быть Келлой; его ладонь показалась мне большой и шероховатой, а само рукопожатие – энергичным и отрывистым, то бишь мужским. Потирая руку о штаны, я изучила ничем не примечательный столб воздуха, сквозь который туда-сюда порхала мошкара. А если он захочет продолжить знакомство?!

Скрип телеги, выехавшей из ничего прямо за спиной, заставил меня подпрыгнуть. Две лошадки, пегий коренник и каурая пристяжная, позвякивая бубенцами на сбруе, попытались меня обогнуть, завернув оглобли к обочине. Железные крепления заскрипели, и возница, беззлобно выругавшись, натянул вожжи. Лошадки послушно остановились. Коренник мотнул головой, отгоняя назойливого слепня.

– День добрый, дева молодая! – раскатистым речитативом протянул возница, спрыгивая на землю. – Что потеряла ты в чашобе?

– Да вот, стою и размышляю.

– И получается?

– Еще бы! А вы поэт?

– В душе, но вечно. Мой разум рифмами наполнен – могу слагать их бесконечно, а после и строки не вспомню.

– А как мне выбраться отсюда? Я заблудилась и устала. Вы не поможете мне, сударь?

– Конечно. Но скажи сначала – ты не встречала здесь брюнетку в одеждах цвета зимней ночи? Ищу с утра сию кокетку...

– Она ушла.

– Давно?

– Не очень.

– Ох, чтоб ей! Все ее видали – кто раньше, кто позднее, но все же. Следы ее в лесу пропали. О, кто же мне теперь поможет?!

– А что случилось?

– зуб, мерзавец. Все ноет, ноет, как старуха. А чуть его коснется палец, стреляет от щеки до уха.

– Откройте рот. Не закрывайте.

– Жашем?

– Молчите, я магичка. Да, воспален. Не унывайте. Я сейчас попробую... Отлично! У вас, любезный, нерв застужен. зуб с корнем надо бы вам корнем вырвать. Скажите, он вам очень нужен?

– Бй!

На лбу у добровольно-принудительного пациента выступили мелкие капельки пота. Я тем временем размышляла, где бы это мне добыть челюсть, а лучше полный череп вампира для школьного музея. Клыков было четыре – длинные верхние (добрых полвершка) и короткие нижние, вполне допустимые даже для человека. Остальные зубы почти ничем не отличаются

от человеческих, разве что ослепительно белым цветом, столь редким среди моих соплеменников. Два моих пальца лежали на внутренней стороне десны, свободной рукой я прикрыла щеку пациента и попыталась создать между пальцами обеих рук круговой поток теплых лучиков. Зрачки вампира удивленно расширились. Под заговором обычно подразумевается невнятное бормотание над больным органом, отвлекающее внимание пациента от собственно волшбы. Существуют сотни «бормоталок» типа: «Я пойду, пойду в поле, сорву полынь, полынь горькую, заварю зелье, зелье терпкое, помешаю ложкой, ложкой дубовой... и т. д. и т. п.», вызывающих благоговейный трепет у пациента, что позволяет глубже запустить руку в его кошелек. Чем глупее «бормоталка», тем глуше и неразборчивей голос врачевательницы – например, одна моя коллега с факультета Травниц перечисляла себе под нос неправильные глаголы на языке троллей, который вообще-то певучий, но сплошь непристойный, ибо все глаголы образованы от непечатных существительных.

Я ограничилась беззаботным, не слишком мелодичным посвистыванием. Сначала «лучики» как бы застревали в челюсти; я чувствовала их трепыхание в кончиках пальцев, когда пыталась сосредоточиться на непрерывном потоке. Но через пару минут дело пошло на лад. Я приостановила лечение и осторожно потрогала десну.

– Больно?

– Ы-аю!

– Да или нет? – Я убрала руки, вампир закрыл рот и брезгливо облизнулся. Потом осторожно щелкнул зубами, потрогал пальцем щеку.

– Ну?

– Я исцелен! – неожиданно возопил он. – Свершилось чудо! Мое блаженство бесконечно! Скажите, кто вы и откуда? Я ваш покорный раб навечно!

– Меня зовут Вольха.

– Знаю, это так, для рифмы, – отмахнулся горе-стихоплет.

– До города далеко?

– Верста, поди, с немалым гаком... Почту за честь везти в Догеву магичку доблестную... хм... маком... браком... раком... Тьфу, в общем, влезай на телегу!

Коренник до скрипа налег на оглобли, телега выправилась, и пристяжная нехотя натянула постромки. Как оказалось, до города оставалось всего ничего – если, конечно, знать короткую дорогу по «сгибам».

Вампир довез меня до самого фонтана и долго, громко, велеречиво и в рифму расхваливал на глазах у Старейшин, остолбенело тарачившихся на нас с крыльца Дома Советаний. Рифмоплет ораторствовал около получаса, собрал вокруг себя сотенную толпу и в поте лица втолковывал ей, какая я добрая, отзывчивая и умелая знахарка. Пережарившись в лучах славы, я затесалась в толпе и улизнула домой.

Там меня ждали Крина и пирожки... с капустой. Гадость.

Глава 9

Вздremнув часок-другой после обеда, я вспомнила о настоящей цели своего приезда. В конце концов, я уже почти сутки в Догеве, а тварь все не торопится с визитом. Может, ждет, пока я организую ей достойную встречу?

Отыскав кузницу по толстой струе черного дыма, я заглянула под навес. В глубине стояла наковальня, зловеще коптели угли и пузатые меха протянули к горну свои стальные рыла. Повсюду какие-то железяки, обрезки, куски оплавленного металла. Сам кузнец, черный от копоти, как исчадие ада, размеренно плющил молотом раскаленный добела прут. Я поздоровалась, он обернулся, кивнул, передал прут и молот помощнику и подошел ко мне. Я без лишних слов сунула ему меч.

Повертев в руках сие грозное орудие, кузнец недоуменно поинтересовался, во что я хочу его перековать. Я объяснила, что меч нужно не перековать, а заточить и сбалансировать. Опущенный в воду прут громко зашипел. Кузнец уставился на меня с таким удивленным видом, словно я привела подковать дохлую лошадь.

– Ты уверена? – на всякий случай переспросил он. – У меня большой выбор готового оружия.

– Не стоит. Почините этот.

– Сделаю, что смогу, – неуверенно пообещал он, плашмя похлопывая лезвием по ладони, как палкой сырокопченой колбасы.

– Это не простой меч. Твердый сердечник обшит серебром, а потом уж – ковкой сталью.

– А, понятно-понятно. – Судя по скептическим ноткам в его голосе он решил, что я пыталась выдать дохлую лошадь за спящую.

– Когда он будет готов?

– Денька через три.

– А нельзя ли к сегодняшнему вечеру?

– Постараюсь. – По его лицу можно было прочесть, что даже месяцковки и балансировки не поможет этой жалкой железяке стать мечом. – Девушке твоей комплекции больше подошел бы гворд.

– Что-что?

– Сейчас покажу. – Кузнец целеустремленно прошелся вдоль длинного стола с готовым оружием и выбрал из кучи железяк что-то длинное и тонкое. – Вот, взгляни. Женская модель, облегченная и с надежным предохранителем.

В руках у меня оказалась полированная палка локтя три с гаком. Вернее, посох с изогнутой рукояткой в виде длинной волчьей морды с хищно прижатými ушами. В глазницах зверюги поблескивали кусочки полупрозрачного янтаря.

– Тяжеловатый для деревянного, – заметила я, взвешивая посох в руке. – Он что, со свинчаткой в набалдашнике?

Вампир только хмыкнул.

– А ну, дай-ка, – пробасил он, забирая посох. – Учись, малышка!

Взяв гворд в левую руку, кузнец правой рукой повернул волчью голову против солнца. Сместившись на четверть оборота, она раззявила пасть, полную костяных зубов, и одновременно с этим из противоположного конца трости выскочило трехгранное светлое лезвие двух пядей в длину. Сделав выпад, вампир отступил на шаг и имитировал защиту, держа гворд в вытянутых руках параллельно земле.

– Неплохо, а? – Кузнец крутанул рукоятку, и лезвие исчезло.

– Для того, кто владеет техникой боя, – скептически заметила я.

– Главное – элемент неожиданности, – заспорил кузнец. – Гворд – что-то вроде национального оружия, за пределами Догевы используется крайне редко. Поэтому нападающий, как правило, бывает ошарашен – он-то рассчитывал на безоружную жертву. А что может быть безобиднее посоха?

– Нож, спрятанный за голенищем.

– Ты сможешь ножом остановить бешеную собаку? Рысь? Медведя?

– А зачем мне останавливать медведя? Главное, самой не останавливаться, – хмыкнула я, присматриваясь к посоху уже с большим уважением.

– Хорошо. А упыря? Допустим, идешь ты по темному лесу, глядь – упырь.

– Здравствуйтесь! – жизнерадостно отозвалась я.

– А это невоспитанный упырь. У него в брюхе урчит.

– Ну, не знаю, – растерялась я. Магией упыря можно только остановить. Но убивать, к сожалению, приходится вручную. – Нож, конечно, слабоват. Но гворд еще хлипче. Лезвие короткое, узкое, проворачивать бесполезно. Упырь даже не почувствует.

– Разве? – ухмыльнулся кузнец, приводя гворд в рабочее состояние. – А если вот так?

Под навесом стояла старая разошедшаяся колода. Лезвие вошло в ее гниловатый бочок, как в масло. После удара осталась неприметная дырочка, шириной пальца в три. Кузнец пнул колоду ногой, и она... рассыпалась двумя тонкостенными половинками и кучей щепок. Я подняла одну, рассмотрела. Трухлявая, конечно, но уж не податливой упыря.

– Впечатляет, – признала я. – Можно взглянуть поближе?

Лезвий было не одно, а целых три. Они прижимались друг к другу, как тычинки в бутоне. Малейшее сопротивление острию приводило в действие скрытую пружину, и тычинки расходились. Удар в грудь мог разорвать сердце на куски, в живот – превратить внутренности в кашу. За широким венчиком из лезвий легко входил «стебелек» – деревянная часть трости. Да, от него царапиной не отделаешься, дай бог обратно вытащить.

– Когда вытягиваешь, лезвия механически сжимаются, – прокомментировал кузнец, явно гордясь своей работой. – Ну, что ты теперь о нем думаешь?

– Гадость, – честно созналась я.

– Как хочешь, – обиженно поджал губы кузнец. – Но с мечом против гворда выходить не советую.

– А что, кто-то собирается нападать на меня с гвордом?

Но кузнец уже развернулся и ушел к горнилу. Кажется, мое пренебрежение к национальному оружию огорчило его кровожадную душу.

Отделавшись от меча, я вернулась на площадь и с удивлением обнаружила там ярмарку, причем в самом разгаре. Обычно торжища устраивают по утрам. Может, для вампиров вечер – как утро? Но они и днем бодрствуют...

Торговали с телег, в основном снедью и готовым платьем. Приценившись там-сям, я осталась довольна – купцы запрашивали по-божески, на порядок ниже, чем в Стармине. Разжившись здоровенным персиком, потянувшим на полтора фунта, я неспешно прошлась вдоль рядов – их было всего два, но зато длинных, кольцевых, по периметру площади. Половина купцов оказались местными, крылатыми, но были тут и гномы с их неизменными мечами, шеломами и кольчугами, эльфы, торгующие воздушными тканями, легкими тугими луками, безделушками из полудрагоценных и поделочных камней, парочка дриад с лотком эликсиров да горластый леший, рекламирующий накладные усы и бороды. Сия растительность густо покрывала его собственную физиономию, начинаясь от бровей и уходя куда-то под кожу. К моему удивлению, покупатели если не толпились у прилавка, то по крайней мере не иссякали, серьезно примеряя гирлянды колючих волос. Я уже знала, что природа лишила вампиров ежеутреннего ритуала намыливания и сбивания, то есть ничего, пышнее бровей и ресниц, на их лицах не произрастало. Им бы радоваться, так нет же. Может, в студеную зимнюю пору у них подбородки мерзнут? Но закупать в начале лета волосяные изделия – чистое безумие... только не с точки зрения моли. Неужели последний писк моды – битая молью борода?

Потолкавшись у прилавка и шуточки ради примерив огромные рыжие усы, я подслушала разговор двух вампиров, из коего следовало, что они собираются в ближайшем времени посетить Камнедержец на предмет экскурсии и налаживания деловых отношений с неким Селиваном Дрожней, представляющим гильдию оружейников. Интересно, какой процент непотребно заросших мужчин в плащах, околачивающихся на постоянных дворах Стармина, только маскируется под людей? Берегитесь, граждане, они среди нас... Чего нельзя сказать о нас среди них. Ни одного, повторяю, ни одного торговца или покупателя человека я на привозе не заметила. Остальные расы сосуществовали на равных, торговались, били по рукам и обмывали сделки темным пивом из бочек, привезенным на продажу пивоваром-вампиrom. Я присмотрела себе

светло-салатовое шелковое платье с тонкой вышивкой на груди, но колебалась, прикидывая, хватит ли оставшихся денег на обратную дорогу.

– Выбрала что-нибудь, деточка? – услышала я знакомый голос моей домохозяйки.

Я как раз пришла к выводу, что покупка платья выльется в диету из черного хлеба и воды, после которой я значительно похудею и платье будет сидеть на мне еще лучше.

– Хорошенькое платье, верно?

– Хорошенькой девушке все к лицу, – улыбнулась Крина. Из корзинки, которую она держала на согнутом локте, топорщились зеленые луковые перья. Рваноухий волк следовал за Криной по пятам, но прогулка в толчее ног и копыт явно не доставляла ему особого удовольствия. Вот и сейчас он тоскливо смотрел на Крину, неторопливо шествовавшую вдоль рядов.

После ее слов платье удвоило свою притягательную силу, и я достала кошелек, мысленно поблагодарив ограбленного грабителя за мою возросшую платежеспособность. Крина как раз засобиралась домой, и я поручила платье ее заботам.

Персик по-прежнему был у меня, и я переключивала его из руки в руку, высматривая укромное местечко. Ага, вон какой уютный бортик! Будем надеяться, мне не предъявят претензий за осквернение фонтана почти чистым персиком.

Глава 10

Сидя с ногами на каменном бортике, я догрызала персик, разглядывая сквозь морщинистую воду маленьких серебристых рыбок, шмыгавших по дну капельками пролитой ртути. Все не так уж плохо. Либо Старейшины замяли утренний инцидент, либо вампиры слишком деликатны, чтобы напоминать мне о нем.

– Приветствую Вас, Повелитель.

– Да славятся деяния Ваши, милсдарыня адептка. – Лён, сохраняя полнейшую серьезность, согнулся в поклоне, подметая мостовую полой плаща.

– Простите?

– Каков привет, таков и ответ. – Лён присел рядом, небрежно взболтал воду ладонью. Заинтригованные рыбки подплыли поближе и замерли, усиленно работая грудными плавниками.

– Я придерживаюсь этикета.

– Да, но это выглядит очень глупо.

– Согласна.

– Вольха...

– Я не уеду, Лён.

Мы помолчали. Фонтан зашелестел, и ветер понес оседающие капли в нашу сторону. Лён тряхнул головой, встал и подал мне руку.

– Если ты не против, я хотел бы поближе познакомиться тебя с Догевой. Мне кажется, что сведения автора «Кровопийц» несколько устарели и вряд ли могут служить достоверным источником для курсовой работы.

– Крина рассказала?

– Да, ее это очень позабавило.

– Не сомневаюсь, – мрачно подтвердила я. – Я, наверное, много кого здесь позабавила. Ты действительно хочешь быть моим проводником?

– Да, иначе, боюсь, ты потратишь на эксперименты все свое здоровье.

– И до всего докопаюсь.

– Как раз наоборот. Без меня ты не сможешь увидеть ничего недозволенного. Догева – как ларец с сотнями потайных отделений. Тебе кажется, что он открыт и опустошен, но под обшивкой всегда скрыта потайная скважина.

- А ключ у тебя?
 - Я и есть ключ, – серьезно сказал он. – Приступим к осмотру сокровищницы?
 - Пообещай, что разговоров о моем отъезде больше не будет.
 - Идет.
- Наши пальцы сплелись, и Лён сильным рывком поднял меня с бортика.

* * *

Дорога шла в гору. Вернее, дороги не было. Лён завел меня в редкий ельник, утыканный бледными поганками, водившими ведьмины хороводы. Черный дятел-желна перепархивал между стволами как летучая мышь. Лучшего места, чтобы закопать обескровленный труп, и не придумаешь.

Беседа становилась все непринужденней и непринужденней. Разговаривая с заикой, мало-помалу сам начинаешь заикаться. Благовоспитанная девица, попав в общество плотовщиков или грузчиков, уже через пять минут начинает перемежать слова заковыристыми ругательствами. Акцент гнома прилипчив, как моровое поветрие. Спокойная, размеренная речь Лёна, сдобренная изрядной порцией иронии, обладала воистину убийственным действием, вызывая на откровенность. Вскоре мы уже болтали как старые друзья. Я очень удивилась, узнав, что Лён никогда не выезжал за пределы Догевы.

- А как насчет визитов вежливости к главам дружественных государств?

Лён клыкасто усмехнулся:

- Главы государств предпочитают дружить на расстоянии.
- Портретиков наследных принцесс тоже, полагаю, не шлют? – Ох уж мой острый язык!
- Такие, значит, принцессы, – пожал плечами вампир.
- Лён?

– Да? – Повелитель старательно, но, увы, запоздало подобрал свое долгополое одеяние – расшитый золотом низ давно и безнадежно перепачкался грязью. – Чтоб тебя... ненавижу эти тряпки...

- Что было в письме Учителя? Что вас так огорчило перед ужином?

– До симпатических чернил ты дочитала?

– Конечно. – Я пожалала плечами как само собой разумеющееся.

– Он написал, что не сможет приехать и присылает тебя.

– Но вы и так знали, что приезжаю я.

– Мы думали, что ты приезжаешь с ним. Так сказать, авангард, прощупать почву.

– Он не собирался ехать, – вырвалось у меня.

– Знаю. Струсил, – пренебрежительно вздохнул вампир, отводя с дороги еловую лапу.

– Вовсе нет. Просто у него много... – Я хотела заступиться за Учителя, но Лён упреждающе поднял руку.

– Не защищай. Письмо говорит само за себя.

– Это неправда! Мой Учитель может уложить вурдалака одним плевком!

– Он испугался не вурдалака. Больше того, он уверен, что монстр – плод моей фантазии.

– Как и Старейшины?

Лён только усмехнулся.

– Они солгали, чтобы поскорее выпроводить кое-кого из Догевы.

– А ты строчишь доносы?

– Нет. Уж коль ты остаешься, стараюсь ввести тебя в курс дела, пока тварь не ввела тебя в меню.

– Может, ты уже и тварь на ушко предупредил – мол, приехала гроза упырей, светило практической магии, затаись-ка на пару денечков, а то не ровен час... – съехидничала я.

Но Лён не счел поводом достойным шутки:

– Она и так на диво понятлива. Выходит на промысел глубокой ночью, когда большинство жителей крепко спит, ускользает от погони, не оставляя следов. Не следует ее недооценивать.

– Ты не ответил мне на один вопрос. Помнишь, вчера вечером я спросила, какой совет хотел получить маг из Камнедержца?

– Его беспокоили поползшие по городу слухи.

– О повышении цен на репу?

– Об усилении вампирьей жажды. Там кого-то загрызли, тут кого-то высосали, детишки бледнеют и мрут без причины, на кладбищах могилы раскопаны, гробы нараспашку, на продажную девицу в темном переулке напал вампир, она назвала ему цену, и он испарился от ужаса.

– Все шутишь, – досадливо фыркнула я.

– А что, плакать прикажешь? Вампирьи слезы низко котируются.

Я представила Лёна с лопатой наперевес, в поте лица разрывающего могилу, и картинка вышла до того гротескной, что я, споткнувшись, едва не покатилась с горки.

– Это не смешно, Вольха, – вздохнул Лён. – Это страшно.

– Думаешь, Учитель испугался... тебя?

– Маленькая поправочка. Нас тут много. Так вот, мы приняли мага, спокойно побеседовали, он нам практически поверил и собирался по утреннему холодку вернуться в Камнедержец и усосветить взбудораженных граждан, но до утра не дожид.

– Так слухи поползли еще до его гибели?

– Да, последние два года мы живем как на вулкане. К счастью, на нашей стороне Ковен Магов, и она худо-бедно остужает лаву народного гнева. Но со смертью одного из них... причем не одного... лава бурлит вровень с краями кратера.

– А я вроде заградительных сооружений?

– Причем весьма хлипких.

– Это мы еще посмотрим.

Лён остановился и заглянул мне в глаза.

– Вольха, почему ты решила стать магом? Молодая, красивая девушка, зачем тебе эта морока?

– Чтобы подольше оставаться молодой и красивой, – отшутилась я. – И независимой. Хватит, насмотрелась. У женщины выбор невелик: либо ты замужем, либо распутница, либо чародейка. Первые две специальности не вдохновляют.

– Про мужчин можно сказать то же самое. Либо ты муж, либо клиент, либо маг.

– Ошибаешься. Жены зависят от мужей, распутницы от клиентов. Только чародейка может расхохотаться мужчине в лицо и сказать: «Что ж, попробуй меня заставить»!

– И часто говоришь? – заинтересовался Лён.

– Доводилось. Наслаждение неопишное!

Он долго смотрел на меня, потом рассмеялся. Я вспомнила, с кем разговариваю, и прикусила язык. Мы продолжили путь, Лён возобновил расспросы:

– Сколько нужно учиться, чтобы стать магом?

– Десять лет. Смотря как учиться. Можно и не стать. К любому призванию должны быть приложены терпение и хотение. Третий адептов отсеивается после первого же семестра, еще четверть отчисляются в последующие десять лет.

– И в чем же призвание мага-практика?

– Защищать разумных существ, – заученно отбарабанила я первую строку первого в моей жизни конспекта.

– От кровожадных монстров? – Вампир смотрел вперед, но меня не оставляло ощущение присутствия на себе внимательного, испытующего взгляда.

– В основном друг от друга. Тут ко мне, кстати, залетал один, носатый. – Я подробно описала аудиенцию с летучей мышью.

– И ты выгнала посла... полотенцем? – давясь смехом, переспросил Лён.

– Да, причем полотенцем ножным. Дипломат из меня нукудышный. Так вы не умеете превращаться в летучих мышей?

– Не знаю, не пробовал.

– Издеваешься?

– Да. – Лён закрыл глаза и подставил лицо солнцу, разномастными пятнами сочившемуся сквозь листву.

– Испаришься, – язвительно прошипела я. – Уже дым из ушей идет.

– Ты кого угодно до кипения доведешь. – Лён взмахнул рукой, разгоня наваянный мною дымок.

– Ну, ты меня разочаровал. Чеснока не боишься, летать не умеешь, на солнце не испаряешься, тень... – Я глянула под ноги. – Тень отбрасываешь.

– Извини, я постараюсь исправиться, – ехидно пообещал вампир.

– Лён, а чем эти мыши питаются?

– Не беспокойся, на тебя не покусятся.

– Откуда же тогда пошла легенда?

Вампир откровенно посмеивался над моими вопросами:

– Вольха, легенды не приходят, они при-ду-мы-ва-ют-ся.

– Жаль, – огорченно вздохнула я. – Попадают очень красивые легенды.

– Например?

– Например, о единорогах.

– Вот об этих?

Лён небрежно повел рукой. Мы как раз достигли опушки – лес, вскарабкавшись на косогор, обрывался вместе с ним, и внизу, в долине, паслось белоснежное стадо.

Я видела единорога на гобелене, висевшем в школьной столовой. Выткан он был козьей шерстью, козла и напоминал. Дотронуться до его закрученного рога считалось хорошей приметой перед зачетом; неудивительно, что рог очень быстро свалялся, облез, гобелен попытались отреставрировать, но потом решили, что дешевле заказать новый. Тупая морда единорога опущения запомнилась мне на всю жизнь, но представляла я их совсем иначе.

Когда весной школа закупила у барышника партию объезженных трехлеток и их стали распределять между отличившимися за год воспитанниками (а я попала в их число, пусть четвертым номером), мне сразу глянулась невысокая, белоснежная, крепко сбитая кобылка по кличке Ромашка. Она-то и показалась мне воплощением легенды о единорогах. Глаза у Ромашки черные, чуть раскосые, шаловливые, веки словно подведены угольком, а когда она украдкой щиплет придорожные посева, длинные густые ресницы стыдливо опущены – дескать, бедная лошадка не ведает, что творят ее бархатные губы; грива и хвост волнистые, как будто проказливые домовые еженощно заплетают их в смоченные пивом косички. В общем, облик сказочного конька, верхом на котором не зазорно прокатиться и дриаде. Мне было очень приятно чувствовать себя дриадой. Вот только Ромашка не считала меня таковой. Со временем любимым ее занятием стало оглядываться на всадницу с таким мученически-укоризненным видом, словно я – власяница, которой боги наказали ее за тяжкие грехи прошлой жизни.

Под косогором мирно пасся целый табун Ромашек. Но вот рослый, поджарый жеребец поднял голову, настороженно принохиваясь, и я увидела тонкий, совершенно прямой рог, разделивший челку на две пряди, словно кто-то запустил в лошадь копьём и оно застряло в лобной кости. Ветер дул в сторону единорогов, жеребец гневно топнул передней ногой, и весь табун тут же прекратил пастьбу и уставился на нас – шесть длинногривых, изящных, словно выточенных из мрамора кобыл, и голенастый жеребенок, торопливо затесавшийся в середину

табуна. Ветер развеивал шелковистые хвосты, трепал гривы, пригибал зеленую, а с изнанки серебристую траву, по ней бежали мелкие волны, и казалось, что единороги сливаются с долиной, как размашистые мазки на полотне художника. Жеребец издал воинственный клич, скорее напоминающий волчий вой, чем лошадиное ржание, взвился на дыбы, перебирая передними копытами по воздуху. Кобылицы прижали ушки и набычились, выставив рога. Опустившись на все четыре ноги, вожак галопом обежал табун, сбивая кобылиц в кучу. Тоненькие ножки жеребенка суетливо перебирали в самой толчее, и я испугалась, что его затопчут, но единороги оказались гораздо аккуратнее неопытных наседок. Они построились кольцом, жеребец мордой к нам, голова опущена, из-под сердито бьющего копыта ключьями летит трава и комья грязи, пачкая длинную шерсть на бабках. Рог засветился у основания, синие разряды змейками поползли к острому кончику, формируя светящийся шарик.

Еще не понимая, что происходит, я опасно выдвинулась на самый край косогора, придерживаясь руками за ветки, а единорогу того только и надо было. Подпрыгнув, он топнул передними ногами и мотнул головой, словно стряхивая севшую на рог осу.

Вспышка, горячий порыв ветра, и над моей головой просвистела синяя шаровая молния, причинив немалый ущерб кряжистому дубу. Пискнув от неожиданности, я отшатнулась и присела, надеясь, что единорог ограничится эффектной демонстрацией силы. Но нет, рог снова засветился, заряжаясь – уже помедленнее.

За моей спиной раздался режущий уши звук, больше всего напоминающий гулкое бляение упавшего в колодец козла. Жеребец фыркнул и мотнул головой. Свечение чуть притухло. Я оглянулась. Лён прогудел еще раз, пользуясь нехитрой конструкцией из кусочка дерева и сложенных ладоней. Единорог заржал в ответ, рог погас, кобылы чуть расслабились, и любопытная черноглазая мордочка жеребенка мелькнула в просвете между их крупами. Но единороги не подошли к нам, а, напротив, рысью перебежали на противоположную сторону долины.

– Они нас боятся? – разочарованно спросила я у Лёна.

– Тебя, – поправил он.

– Ты их понимаешь? Что ответил жеребец?

– Что я сошел с ума, но он, слава богу, еще нет, и, пока он жив, ни один колдун не посмеет приблизиться к его табуну.

– Почему он так не любит магов?

– А вы их любите?

– Ты что, чуть ли не боготворим!

– Угу. В виде чучел, костяных пепельниц и компонентов декокта.

Мы заспорили, и я очень быстро сдалась. Для вампира, не покидавшего Догевы, он знал о людях и об их обычаях поразительно много.

Истошный вопль «Повелитель! Повелитель!» поставил жирную кляксу на моих неубедительных аргументах. К нам, спотыкаясь и тяжело дыша, карабкался вверх по склону давешний незадачливый паренек.

Мы терпеливо ждали. Вот он упал, выпачкав штаны на коленях, вскочил, отряхнулся, размазывая черные и зеленые пятна, и снова побежал.

– Ну что такое? – Лён запахнулся в плащ, поежился.

– Повелитель... там... вас... того...

– Кто меня того? – серьезно спросил Лён.

– Того... на совещание вызывают!

– Что, так срочно?

– Сказали, чтоб сразу шли, как я вам скажу.

– Иди, дитя, ты меня не видело.

Паренек уставился на Повелителя совиными глазами.

– Как это?

- Иди и скажи, что ты меня не нашел. Я скоро приду. Сам.
- Но я же нашел, – тупо сказало дитя.

Мы переглянулись и вздохнули, словно заговорщики-цареубийцы, на чье тайное вече случайно забрел юродивый.

- Хорошо, тогда иди домой... К Старейшинам можешь не заходить.

Мы немного помолчали, глядя на сверкающие пятки подростка, по-заячьи припустившего с горы.

- Так я им скажу, что вы идете! Мне не трудно! – Заорал он, оборачиваясь на бегу.
- Чтоб его... – буркнул Лён. – А я хотел тебе еще кое-что показать.
- Ничего, покажешь завтра с утра. Все равно скоро начнет смеркаться.
- Ах да, ты же не видишь в темноте.
- А ты?
- Лучше, чем днем. Глаза не так устают, да и слух обостряется. Так завтра с утра?
- С самого утра, – решительно подтвердила я.

Глава 11

«Самое утро» наступило в полчетвертого. Так рано я не вставала даже в детстве, собираясь на рыбалку со старшими братьями. Я долго не могла понять, чего от меня хочет склонившаяся над кроватью простоволосая вампирша в ночной рубашке и белых тапочках, и опрометчиво заявила: мол, делайте со мной, что хотите, но я не встану и накрыла голову подушкой. Лён, стоявший под распахнутым окном, предложил мне перебраться в гроб – дескать, там меня точно никто не побеспокоит, разве что шальной ведьмак.

- Кто? – живо заинтересовалась я, приподнимая край подушки над левым ухом.

– Сказочный персонаж. Специалист по гробоисканию и умерщвлению вампиров во время их непробудного дневного сна.

- Сказочный?
- Да, потому что мы не спим в гробах, тем более днем.
- По-моему, вы вообще не спите, – вздохнула я, откидывая одеяло. – Покажи мне день.
- А вон! – не смутился Лён.

На востоке небо чуть посветлело, звезды побледнели и месяц просвечивал насквозь, как тающая льдинка. Горизонт казался белой пуховой нитью. Мохнатая ночная бабочка тукнулась в яблоневый ствол, сползла по нему локтя на полтора, ожесточенно работая лапками и крылышками, снова взлетела, описывая мертвые петли и нисходящие спирали, словно возвращалась с разгульного шабаша. Не хватало только пьяного пения, далеко разносящегося окрест в предрассветной тиши. Наконец бабочке удалось отыскать подходящую трещину в коре, где она и затаилась до вечера, уложив крылья серой шалью.

Я основательно протерла глаза и отбросила одеяло. Отступить было поздно, пришлось одеваться.

- Тут роса, – предупредил Лён, и я послушно зашнуровала сапоги.

За пуховую нить взялась мастерица-заря, восток покрылся бледно-золотистым кружевом, спугнувшим месяц и отгеснившим звезды на темную половину неба.

– Через четверть часа совсем рассветет, – пообещал Лён. – Может, позавтракаешь? Я подожду.

- Пока не хочется. А куда мы идем?

– Куда глаза глядят, – пожал плечами вампир. – Мне-то все равно, а для тебя везде отыщется что-нибудь интересное.

- Тогда на восток. Там светлее.
- Как скажешь.

Мы пошли по восточному кресту, но вскоре Лён свернул налево. Там виднелся дряхлый сарайчик – по всем приметам, для уединенного сидения. Я мгновение колебалась, стоит ли сопровождать Лёна дальше, но вампир без предупреждения взял меня под руку, тем самым не оставив выбора. Мы почти уткнулись в разохшуюся дверцу, как вдруг воздух посвежел, сарайчик исчез и вокруг нас затрепетала жесткой листвой дубовая роща. Могучие деревья вели счет на десятилетия, давным-давно разменяв первую сотню. Основатель рощи – не дуб – дубище в пять моих обхватов, внушал благоговейный трепет. Узловатые корни замшелыми арками выглядывали из земли, истлевшая кора местами осыпалась, обнажив розоватый, отполированный ветрами ствол, рассеченный продольной трещиной. Облетевшая макушка казалась протянутой к небу рукой. На одном из голых «пальцев» сидел взъерошенный черный ворон. При виде меня он аж покачнулся от негодования, покрепче уцепился за ветку синеватыми лапами, хлопнул крыльями и зловеще, раскатисто каркнул. Робкие посвисты пробуждающихся дроздов миготом утихли.

– Кар! Кар-р! – надрывался ворон. – Кар-раул!

Крик черной птицы разносился по роще как по пустому храму. Стволы гулко перебрашивались эхом.

– ...щи, – донесся до меня голос Лёна.

– Что?

Он повторил погромче:

– Старый хозяин рощи. Он гнездится на этом дубе с незапамятных времен – вон там, видишь, куча веток в развилке?

Вороны ассоциировались у меня прежде всего с необрунными полями сражений, а сами вороны использовали оные как скатерть-самобранку, поэтому я облегченно вздохнула, когда ворон умолк на полукарре, сжался, подпрыгнул и грузно, шумно взлетел, задевая ветки жесткими перьями.

Дубравное разнотравье радовало глаз. Круглые листья белого шилоцвета, отличного кровезапирающего средства, поблескивали в тени, как темно-зеленые монетки. Между ними покачивались тонконогие голубые колокольчики, рыжие звездочки прасклета, седые гривки плакун-травы, а на солнечных полянках золотились мелкие трехлепестковые цветочки, собранные в короткие колоски.

– Камелинка дубравная. В просторечии – «женская верность», – щегольнула я знанием травоведения, срывая сухонький стебелек. Половина цветков тут же осыпалась, обнажив острые ноготки пестиков. – Вообще-то она отцветает. Лён, а правда, что в Догеве есть Ведьмин Круг?

– Не самый мощный.

– Но хоть парочку демонов можно вызвать?

– Вряд ли. Он... скажем так, не демонический.

– А ты пробовал?

– Знаю, как это делается, – уклончиво ответил мой спутник.

Я оживилась:

– Слушай, а ваш монстр не мог вырваться из Круга?

– С каких это пор он стал нашим? – сдвинул брови вампир. – А насчет Круга – исключено.

Он находится в неактивном состоянии около сотни лет, и, даже захоти я совершить обряд, не хватает одного из тринадцати камней.

Ведьмиными Кругами в просторечии назывались туннели в иные миры. Скорее даже не туннели, а слабые места в перемышках между измерениями, продолбить которые не составляло труда даже мне, не говоря уж о более опытных магах. Оставалось лишь раздобыть тринадцать камней да изловить молоденькую девственницу для жертвоприношения (на худой конец заменить ее курицей).

Официально зарегистрированных Ведьминых Кругов в одной Белории насчитывалось пятнадцать штук, из них только один – действующий. В число тринадцати камней входил алмаз на сто каратов, его-то отсутствие и мешало активировать все Круги. Прочие камни – изумруд, сапфир, рубин, аметист, бирюза, горный хрусталь, прозрачный агат, дымчатый и золотистый топазы, опал, сине-бело-зеленый кошачий глаз и аквамарин – были распространены повсеместно, при нынешнем положении на рынке камней обзавестись ими не составляло труда. А вот подходящих по размеру и огранке алмазов насчитывался едва ли десяток, и за каждый из них можно было построить замок, нанять войско и обзавестись гаремом на сорок персон. Чуть ниже котировались изумруды и рубины; тем не менее ими располагала половина черно-книжников.

Уже купленные, камни подкидывали своему владельцу очередную каверзу. Они обладали памятью и, единожды использованные в обряде, намного облегчали повторную активацию своего Круга. Но если выпадал какой-нибудь из «перезнакомившихся» камней – скажем, топаз, – Круг уже никуда не годился, приходилось составлять новый.

Меня учили, что прибегать к помощи Ведьминых Кругов следует только в крайних случаях, ибо предсказать, что вырвется из Круга, особенно в первый раз, было практически невозможно. По ту сторону черты могли порхать бабочки или обретаться целый легион голодных упырей, не склонных к мирным переговорам. В довершение всех бед, Круг мог работать хаотично и только в одну сторону, как, например, Колодищин Бездень, расположенный в трех верстах от Стармина, возле села Колодищи; единожды активированный, он уже не выключался, и из него периодически лезли василиски. Ни жители Колодищ, ни сами василиски не испытывали бурной радости от участвовавших встреч, и либо в продаже появлялись зеленые сапожки из чешуйчатой кожи, либо на сельских улицах воздвигались каменные статуи в человеческий рост, что, как утверждали учебники, было для василиска типичной реакцией на испуг. Старминские маги давно плюнули на Колодищин Бездень и отказывались еженедельно, по бездорожью, посещать злополучное село. Поэтому статуи копили в пустом амбаре с опадня по сеностав и с сеностава по опадень, чтобы обработать их оптом. Дважды в год адептов вывозили на практикум в Колодищи, и на каждую из десяти групп приходилось по незадачливому селянину, которого надлежало расколдовать.

– А ты не мог бы его мне показать?

– Мы туда и идем.

– Но как ты узнал, что я захочу на него посмотреть?

– А все просят, – равнодушно сказал Лён. – Думают, я их обманываю и потихоньку выпускаю демонов, чтобы науськивать на магов.

– Ну, знаешь ли... – У меня и в мыслях ничего подобного не было.

Просто на позапрошлой неделе мы проводили коллоквиум на тему: «Устройство и принцип действия ЧК», и в ход обсуждения сами собой вплелись жуткие байки о Ведьминых Кругах, причем одна из них произошла на самом деле лет эдак двести тому назад, когда действующий Круг был активирован с противоположной стороны тамошним магом и в наш мир валом повалила всевозможная нежить. Пока суд да дело, пока маги не закрыли проход, пока король не сколотил достойную армию, пока оружейники да друиды не снабдили воинов заговоренным оружием и амулетами, твари успели захватить добрую треть Белории. Неудивительно, что догевский Ведьмин Круг пробудил во мне недюжинное любопытство.

– Знаю, – перебил мои возмущенные мысли Лён. – Поэтому тебе, в виде исключения, покажу. Тем более что одного камня все равно не хватает.

Я еще размышляла, не намек ли это, а вампир уже отыскал едва приметную тропинку и поманил меня за собой. Вскоре под ногами захрустел песок, тропа проклюнулась булыжниками, запетляла среди серых островерхих валунов. На боку одного из них яркой малахитовой брошью застыла изящная длиннохвостая ящерица. Она плавно поворачивала голову, наблю-

дая за нами. Дорогу преградили невысокие скалы, похожие на развороченный молнией пенёк. Я остановилась, а Лён подошел вплотную к гладкой каменной стене, увитой темно-зеленым плющом, раздвинул тонкую бечеву плетей и показал мне высеченную в камне руно, заключенную в ромб. Я поднесла к ней ладонь и тут же отдернула – символ источал легкое тепло.

– Что это?

– Замок.

– А где ключ?

Лён улыбнулся:

– Он тебе нужен?

– Нет, но боюсь, тебе будет не хватать этой милой скалы.

– Сдаешься? – Лён присел на камень, подобрал полу плаща. Серые глаза насмешливо прищурились.

– Ну, берегись, – предупредила я, закатывая рукава. Распечатать заклинание Входа – непростая задача. Я сделала несколько пассов, прощупывая скалу. Она отозвалась легкой пульсацией. Вход действительно существовал и был заговорен знатоком своего дела. Хуже всего, что я не знала значения руны, служившей подсказкой, соответственно не могла вплести ее в контрзаклинание и использовать как отмычку. Начинать приходилось с нуля. Я набросала трехступенчатую матрицу заклинания, заполнила ее константами и прикинутыми на глаз значениями плотности, силы и векторного направления энергии, выбросила руку и долбанула скалу импровизированным ломиком. Лён развернулся, как пружина, прыгнул на меня, сбил с ног, прижал к земле, а отраженное заклинание свистящим и ухающим веретеном пронеслось над поляной. Задрав голову, я ошеломленно следила, как верхушки дубов, срезанные под прямым углом, величественно опадают, цепляясь за нижние ветви.

– Мог бы предупредить, – возмутилась я, отпихивая вампира локтем. Лён вскочил, отряхнулся, с сожалением оглядывая вызелененный травой плащ.

– А ты бы послушалась?

– Нет! – Я сморщила нос и отрицательно помотала головой.

– Второй попытки не будет? – язвительно поинтересовался вампир.

– Нет уж, увольте. Ложись!

На этот раз сверху оказалась я. Вероятно, заклинание встретило на своем пути другую скалу, отразилось и вернулось. Прежде чем оно успело снова улететь в лес, я нейтрализовала его, распылив хвостатыми искрами. Спина Лёна подо мной вздрагивала. В первые мгновения мне показалось, что он бьется в предсмертных конвульсиях, но на самом деле вампира колотил загнанный внутрь смех, временами прорывавшийся хрюкающими всхлипами.

– Прекрати немедленно! – вспыхнула я, сваливаясь с его спины и отползая в сторону.

Я злилась на Лёна, я готова была кинуться на него с кулаками, но явный комизм положения связал меня по рукам и ногам. Тоже мне, шутник! Небось, всех магов по очереди скалой испытывал... Интересно, удалось хоть кому-нибудь ее открыть?

Но он не только не успокоился, но и заразил меня. Мы хохотали, как безумные, не в силах подняться. Вряд ли почтенные старички так веселились, лежа под вампиром...

– Лён, сколько тебе лет? – Вспомнила я, все еще давясь смехом.

Вампир как-то сразу погрузился и замялся, но все же ответил:

– Семьдесят три года.

– Ско-олько? – ахнула я, растеряв остатки веселья.

– Восемьсот семьдесят девять месяцев, – со вздохом уточнил Лён, поднимаясь и подавая мне руку. Ошеломленная, я осталась сидеть, вытаращив на него глаза:

– Что, правда?

– Я говорю только правду. – Вампир нагнулся, бесцеремонно подхватил меня под мышки и поставил на ноги.

– Да ты мне в прадедушки годишься! – Мне стало очень, очень неудобно. Даже лес как-то помрачнел и притих, осуждающе нависнув над моей головой. Ну когда же я перестану наступать на одни и те же грабли?! Сначала приняла Повелителя Догевы за нахального любителя купающихся девиц (было бы на что смотреть!), теперь вот за легкомысленного недоросля, заполучившего трон по наследству. – Сколько же тогда Старейшинам?

– Одному двести сорок, остальным около трехсот.

– С ума сойти! Моему Учителю сто семьдесят четыре, а его седая борода длиннее иной косы!

– Что, существует прямая зависимость между бородой и интеллектом? – привычно отшутился Лён. – Брось, не в возрасте дело. Мы дольше живем и медленнее стареем, только и всего. В пересчете на ваш век мне около двадцати лет.

У меня немного отлегло от сердца.

– Так ты покажешь мне Ведмин Круг, старый хрыч? – И торопливо добавила: – Пожа-луйста!

– С этого и следовало начинать. Смотри! – Лён отбросил плащ за спину, аккуратно снял обруч и поднес его к стене, держа за дужки.

Мне показалось, что обруч затрепетал в его руках. В глубине изумруда зажглась крохотная зеленая точка, мигнула и разлилась по всему камню теплым сиянием, которое быстро окрепло, выпустило длинные острые лучики и ошупало руну, оставляя золотые метки-искорки. Помедлив, искорки слились, золотая копия руны медленно отделилась от гранита и повисла в двух вершках от стены. Вампир повернул обруч, как ключ в скважине – два оборота влево, три вправо. Руна вращалась вместе с ним, а под конец окрасилась зеленью и растаяла в воздухе. Из недр земли донесся приглушенный гул, и скала послушно отползла в сторону, шурша по песку каменной подошвой.

Лён отбросил волосы со лба и прижал их обручем.

– Идем.

– А она не закроется?

– Пока обруч у меня – нет.

– А если его кто-нибудь отберет?

– Разве что снимет с трупа.

Глава 12

В пещере было темно, но – сухо. Вот только под ногами неприятно похрустывало и почвакивало, как в логове гоблинов-людоедов. Я встряхнула рукой, и в ладонь скатился сияющий восьмиконечный пульсар. Пошевелив пальцами, я заставила его взлететь и он ночной бабочкой затрепыхался над моим правым плечом. Опустив глаза, я обнаружила, что бодро шествую по слежавшемуся помету и костям летучих мышей, во множестве копошившихся под сводом пещеры. С десятков летунов, разбуженных светом, сорвались с потолка и с писком закружились над нашими головами.

Я поймала пульсар в кулак, как муху, скомкала и впитала.

– Зря, – упрекнул вампир. – Скоро он тебе понадобится.

– Понадобится – вызову.

Лён быстро и уверенно вел меня вдоль стены. Темнота оказалась не такой уж крошечной, и, задрав голову, я разглядела широкую зигзагообразную трещину в своде пещеры, сквозь которую как раз пролетала запоздавшая мышка.

– Запасной выход? – хмыкнула я. – Или служебный вход?

– Это как посмотреть. Отсюда не выйдешь, а оттуда не войдешь. Не стоит тратить силы и здоровье, карабкаясь по отвесной скале. Ты не обнаружишь там и крохотной щелочки.

– А мыши?

– Мыши плохо видят и больше полагаются на слух, улавливая отраженные звуки. Видишь ли, защита действует только на того, кто в нее верит. А мыши, как и ты, сначала летят, а потом думают.

– Это оскорбление? – подозрительно осведомилась я.

– Комплимент. Выпускай своего светлячка.

Пульсар взьерошился лучами, расплавляя тьму. Я заметила еще одну руну-скважину, но Лён, не останавливаясь, прошел прямо сквозь стену, и мне пришлось проследовать за ним, ежась от могильного холода, источаемого гранитом. Узкий коридорчик изгибался вверх-вниз, я то и дело обо что-то спотыкалась или стучалась макушкой о потолок, не поспевая за уверенно идущим, вовремя пригибающимся вампиром. В конце пути нас поджидала еще одна заговоренная стена. Лён небрежно коснулся ее рукой, и она словно растаяла в пятне ослепительного света. Я робко шагнула в него вслед за Повелителем и замерла, пораженная. Даже на экскурсии по Элгару, горным катакомбам гномов, я не видела ничего подобного...

* * *

...Горный хребет окаймляет Белорию с востока, перекрывая выходы к морю, и основным источником дохода элгарских гномов является пошлина, взимаемая за провоз товаров по специально выдолбленному туннелю, единственному на весь Элгар. Таким образом бородастый народец фактически контролирует морские порты и флот Белории, в случае чего угрожая взорвать проход к загадочной «Коврюжьей Матери», что происходит довольно часто и вынуждает короля в спешном порядке пересматривать таможенные ценники. Обленившиеся гномы вконец забросили рудную промышленность, взвинтили цены на драгметаллы и оружие, качественное, но производимое в мизерном количестве, ошиваются по старминским кабакам, поглощая невероятное количество пива. И никто с ними ничего не может поделать, опасаясь очередного «сыновнего» воззвания.

На экскурсию нас, адептов, водил Алмит. Ехидные усмешки гномов при входе несколько его смутили, и я решила, что они вызваны общими и, несомненно, занятыми воспоминаниями.

Нас провели по Ар Крэлу, главному туннелю, вкратце поведали о наиболее богатых месторождениях, издаലെка («случались досадные инциденты», – пояснил Алмит, почему-то краснея) продемонстрировали груды алмазов, рубинов и изумрудов, в таком количестве не вызывающие никаких эмоций.

В шлифовальном цехе меня очаровали уже обработанные плитки мрамора, расцветкой напоминающие срез плесневелого сыра – от едва подпорченного до буйно зеленеющего. Назревал досадный инцидент, но сопровождающий нас гном широким жестом разрешил девушкам выбрать себе по камушку. «По небольшому камушку», – испуганно добавил гном, увидев, как мы примериваемся к огромной, явно надгробной плите – чтобы на всех хватило.

Еще мы полюбовались самоцветными жилами, поблескивающими в серых стенах всевозможных пещер, сухих и наполовину затопленных, выслушали легенду о колченогом сухоруке, живущем под водой и промышляющем зазевавшимися рудокопами, после чего вылетели оттуда, как ошпаренные.

Осмотрев экскурсионную часть катакомб, которыми Элгар пронизан, как старый амбар – мышинными ходами, мы вслед за гномом-проводником направились в Эст Алли, музей, где хранятся наиболее интересные образцы камней, собранных за время тысячелетней разработки горы. Алмит, в общем-то мужчина молодой, здоровый и цветущий, понемногу отцветал и бледнел, исподволь перемещаясь в хвост растянувшейся процессии и всячески замедлял наше продвижение, цепляясь за стены и едва переставляя ноги, словно шагал по узкому карнизу над про-

пастью. В тускло-зеленом свете дымных факелов мы и сами выглядели не лучшим образом, напоминая процессию давно не евших упырей, предводительствуемых полуразложившимся гномом, так что никто не обратил внимания на метаморфозы, происходившие с Магистром.

Музей оказался низенькой, узкой квадратной пещерой с серыми неотесанными стенами. Мы набились в нее, как волнушки в кадушку, подпирая изнемогавшего Алмита крепкими молодыми плечами. Рубин размером с молочного поросенка зажег алые огоньки в глазах адептов. Важек, пыхтя, попытался приподнять золотой самородок в форме кубка, устойчиво стоящего на длинной ножке. «Не впечатляет», – сказала я. Единственным достоинством экспонатов был их размер. По слухам, в недрах земли, на глубине свыше тысячи локтей, находился второй музей, Эст Янкума, где хранились камни, обладающие магическими свойствами, но туда не пускали даже рядовых гномов, не то что людей.

Тут Алмит закатил глаза, сполз с наших плеч на пол и остался недвижим.

Наш вопль ужаса слился с восторженным кличем гнома. Но размышлять и сопоставлять факты было некогда, парни поспешно выволокли Алмита из пещеры и положили бездыханное тело наставника на прогретом солнцем камне у входа в катакомбы. Гномы уже не хихикали, они хохотали в голос, с непонятым восторгом распространяя благую весть среди собратьев и даже послав с ней гонца вглубь Элгара. К нашему несказанному облегчению, через пару минут Магистр пришел в себя и сел, дико озираясь по сторонам, а мы узнали, что несчастный страдает клаустрофобией, и ежегодные экскурсии, когда раньше, когда позже, но всегда оканчиваются таким вот плачевным образом, и гномы уже держат пари, до какого места он дойдет, а откуда его понесут...

* * *

Пещера была абсолютно безупречной, полусферической формы, как выщербленная уголкем-входом чашечка, поставленная на блюдечко вверх дном. Пол – сплошной камень, отшлифованный до ледяного блеска. Из серых, крупитчатых стен лилейными бутонами проклевывались и распускались мерцающие розетки кристаллов – льдисто-прозрачных, всех мыслимых цветов. Сквозь звездчатое отверстие в своде пещеры струился белесый поток солнечного света, расплескиваясь по алтарю – грубо обработанному плоскому камню в центре гексаграммы: шестиконечной звезды из двух переплетенных треугольников.

Я опустила на корточки, колупнула ногтем тонкую черную линию. Не выбита в камне, не нарисована, гладкая и холодная, словно естественная прожилка в граните. Пол внутри гексаграммы испещрен руническими знаками и общепринятыми символами жизни, света, души и тому подобной абстракции. На пересечении линий, мордами к центру, сидели белые мраморные волки в человеческий рост. Их была ровно дюжина, перед каждым выгравирован стилизованный знак зодиака. В разверстых пастьях зверюг поблескивало по крупному драгоценному камню, я насчитала одиннадцать. Порожний волк завистливо скалил зубы. Двенадцатый камень был намертво вделан в изголовье алтаря. Им оказался тот самый, недоступный простым смертным, гигантский алмаз. Определить недостающий камень с ходу я не смогла. Надо же, как обидно – лишиться Круга из-за одного камешка, поди теперь собери новый комплект!

Я осмотрела алтарь. Странно, на его поверхности не было желобка для крови, как и приступочки под ритуальную чашу. Догевский Ведьмин Круг обходился без жертвоприношений, черпая силу из лежащего на алтаре заклинателя – обнаженного, с развевающимися волосами, вызолоченными солнцем... Да, наверное, Лён неплохо смотрелся на этом хладном ложе. Но, к сожалению, он не солгал. Алтарь был покрыт толстым, воистину вековым слоем пыли. На нем давненько не лежали.

Лён небрежно прислонился к холке ближайшей статуи, скрестил руки на груди и задумался о своем, вампирьем. Я украдкой разглядывала его четко обрисованный профиль. Стран-

ный, непривычный тип красоты: спокойной, уверенной, начисто лишенной слащавого самолюбования. Она завораживала, как завораживает изысканная красота клинка – с изящной вязью гравировки на безупречно отточенном лезвии. Дорогого клинка, старинного, чьи верность и прочность многожды испытаны в деле, а невзрачные ножны лишь подчеркивают скрытую в них силу. Такой клинок не обнажают для потехи, но всегда держат наготове.

Лён, словно прочитав мои мысли, улыбнулся, глянул с прищуром:

– Ну что, довольна?

– Интересный у вас культ. Всюду волки, волки, волки. И обязательно белые. Это что, отражение борьбы двух противоположных начал? Мол, в каждом из нас сидит зверь, отрицательное начало...

– Ипостась, – серьезно поправил Лён. – И не обязательно отрицательная.

– А какая тогда отрицательная? Овечка?

– Овцы, – мрачно уточнил он. – Скопище тупых стадных животных, сметающих все на своем пути под предводительством этого... с рогами.

– Престарелого мужа Колины Незабудки из Медвежьего Лога? – предположила я.

– Его самого, – без тени иронии согласился вампир. – Или кто-нибудь столь же пустоголовый и одержимый жаждой власти.

– А что, ты его знаешь? – заинтересовалась я.

– Нет, полагаюсь на твои воспоминания.

Это прозвучало двусмысленно и непонятно, но выразаться иначе Лён, видимо, не умел. Я не рискнула уточнять и, отвернувшись, попыталась выколупать дымчатый топаз из зубастой оправы. Проще было отнять кость у настоящего волка. Но ведь вынимают же его иногда: пыль там стереть, отполировать. Лён не препятствовал тщательным поискам скрытой пружины, но, когда я вопросительно посмотрела на него, только рассмеялся и издевательски покачал головой. Его бдительная снисходительность начинала меня раздражать.

– Ладно, пошли отсюда, – буркнула я, поворачиваясь к выходу.

Вампир приблизился к алтарю, задумчиво огладил пальцами алмазные грани.

– Не хочешь попытать свои силы?

– Пусть их сначала попытает уборщица.

– А так? – Рывком сдернув плащ, Лён набросил его на алтарь. – Ну, давай.

– Что-то спина ноет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.